

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

Христось Воскресе!

**КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРИСТИАНСКАГО СОЮЗА МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.
YMCA PRESS**

10. Boulev. Montparnasse. Paris (XV).

Проф. С. ТРОИЦКІЙ. — Размежеваніе или расколъ? Изд. 1932 г. Стр. 151 **Долл. 0.70**
Кто правъ? Каноническій анализъ отношеній между Митрополитомъ Западно-Европейскихъ Православныхъ Церквей, замѣстителемъ Мѣстоблюстителя русскаго Патріарха, Карловацкимъ Синодомъ и Константинопольскимъ Патріархомъ.

ПЕРВАЯ КНИГА ПО ЗАКОНУ БОЖІЮ. 96 стр., съ рисунками. Изд. 1932 г. ... **0.35**

Вся тяжесть труда сохранить и подготовить подрастающее поколѣніе къ работѣ въ возрожденной Россіи, лежитъ на родителяхъ и особенно на матеряхъ, которыя прежде всего и нуждаются въ соответствующихъ пособіяхъ. Предлагаемая книжка и имѣетъ это назначеніе. Подъ другимъ названіемъ книга была издана еще до великой войны въ Россіи группой законоучителей Московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Теперь въ ней сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія такъ, чтобы она, кромѣ того, замѣнила собой хотя бы краткій молитвенникъ.

Г. П. ФЕДОТОВЪ. — Святые Древней Руси (X—XII ст.) 261 стр. **1.35**

Задача работы — показать, въ чемъ особенность религіознаго генія Россіи, поскольку онъ воплощается въ русскихъ святыхъ. Большое историческое и художественное чутье даетъ автору возможность восстановить картину и духъ старой Россіи. Онъ показываетъ, каковы были тѣ праведники, которыми была жива русская земля, тѣ свѣточа духа, которые озарили и искушали тьму и грѣхъ русской жизни.

Его-же. — И есть и будетъ. Изд. 1932 г. 281 стр. **1.20**

Въ этой книгѣ авторъ ставитъ себѣ задачу наиболѣе трудную для историка: дать объективную оцѣнку настоящаго, ближайшаго прошлаго и будущаго. Россія, и притомъ совершенно новая Россія — и «есть и будетъ». Оцѣнка прошлаго и утвержденіе будущаго Россіи покоится на актѣ покаянія, на признаніи ошибокъ и утвержденіи поставленныхъ исторіей задачъ. Въ оцѣнкѣ революціи (что является для насъ самымъ труднымъ, самымъ ответственнымъ и вмѣстѣ необходимымъ) «авторъ обязываетъ себя къ разсѣченію ея элементовъ: разрушительныхъ и мертвыхъ революціи коммунистической, и творчески-живыхъ — революціи народной».

Книги Издательства можно получить черезъ Контору Вѣстника Р. С. Х. Д.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 5 (1932)

Христось Воскресе	3
Побѣда, побѣдившая міръ. — В. Н. Ильинъ	6
Туринаская плащаница. — С. А.	9
О Христіанскомъ гуманизмѣ, запись бесѣды Г. П. Федотова	12
Отцы и дѣти въ русской эмиграціи. — А. И. Никитинъ	17
Совѣтскіе школьники (окончаніе). — И. А. Лаговскій	20
Апологетическія замѣтки	24

Жизнь Движенія.

Валкъ	28
Рига. Дѣвичье Дружество	29
«Живоносный Источникъ»	30

ЦѢНЫ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Цѣлая страница ...	60 фр.	Четверть страницы	20 фр.
Половина страницы	30 »	Восьмая ч.	10 »

Редакторъ **И. Лаговскій.**

Адресъ Редакціи: **LAGOVSKY, 10. Boulevard Montparnasse. Paris (XV).**
Тѣл.: Ségur 31-68.

Изданіе Р. С. Х. Движенія за Рубежомъ

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Нынѣ радость на землѣ, нынѣ радость на небѣ. Ибо, если при обращеніи одного грѣшника бываетъ радость на землѣ и на небѣ (Луки 15, 10), то тѣмъ болѣе радость на небѣ, когда вся вселенная исторгнута изъ рукъ діавола. Нынѣ ликуютъ ангелы, нынѣ радуются архангелы, нынѣ херувимы и серафимы празднуютъ съ нами настоящій праздникъ; они не стыдятся сослужителей своихъ, но радуются вмѣстѣ съ нами нашимъ благамъ. Ибо, хотя нами получена эта благодать отъ Владыки, но веселіе общее у нихъ и у насъ. Самъ Владыка ихъ и нашъ не стыдится праздновать вмѣстѣ съ нами. «Желаніемъ», говорилъ Онъ, «вождѣлѣхъ сію пасху ѣсть съ вами» (Луки, 22, 15), а если онъ восхотѣлъ праздновать вмѣстѣ съ нами пасху, то очевидно — праздновать и воскресеніе. Итакъ, когда радуются Ангелы и Архангелы, и Владыка всѣхъ

небесныхъ силъ празднуетъ вмѣстѣ съ нами, то какой можетъ оставаться еще поводъ къ печали? Никто изъ бѣдныхъ пусть не скорбитъ по причинѣ своей бѣдности, ибо это духовный праздникъ; никто изъ богатыхъ пусть не превозносится богатствомъ, ибо отъ богатства нисколько не можетъ увеличиться радость этого праздника. Одна трапеза для богатаго и для бѣднаго. Богатъ ли кто, онъ не можетъ прибавить ничего къ этой трапезѣ; бѣденъ ли кто, онъ при своей бѣдности нисколько не меньше можетъ участвовать въ предложенномъ, ибо это — Божественная благодать. Для царя, носящаго діадему, облеченнаго въ багряницу, владычествующаго надъ землею, и для бѣдняка, просящаго милостыни, предлагается одна и та же трапеза. Таковы дары Владыки.

(Изъ бесѣды св. Іоанна Златоустаго на Пасху).

«Въ полночь поспѣшила собрать насъ церковь для начатія торжества. Почему такъ? — Потому что желательно было, сколько можно сблизить начинательное время празднованія съ временемъ празд-

нуемаго, то есть, воскресенія Христова. Время сіе не совершенно намъ открыто. Когда Мироносицы, при восхожденіи солнца, прошли ко гробу Господню, онъ уже былъ открытъ, и Ангелы возвѣщали

воскресеніе Христово, уже совершившееся. Гораздо ранѣе потряслась около гроба Господня земля, Ангель отвалиль отъ гроба камень, и свѣтомъ своего явленія привелъ въ ужасъ, и тѣмъ удалилъ стражей, чтобы открыть Мироносицамъ и Апостоламъ свободный доступъ къ гробу. Еще ранѣе совершилось воскресеніе, поелику оно совершилось еще при запечатанномъ гробѣ, какъ свидѣтельствуеть хранительница христовыхъ таинъ, святая Церковь; но только не прежде полуночи, поелику оно, по предрѣченію Господню, должноствовало быть тридневное, и потому войти хотя въ первые послѣполуночные часы дня послѣ-субботняго. Безпримѣрно высокую и чудесную минуту воскресенія, въ сихъ-то часахъ скрытую, желали мы уловить началомъ нашего торжества, чтобы праздникъ, по возможности, составлялъ едино съ празднуемымъ событіемъ, такъ такъ и празднующіе призываются быть едино съ Творцомъ праздника.

Къ торжеству приступили мы пѣснію, въ которой исповѣдали, что воскресеніе Христово Ангелы поють на небесахъ; потомъ и себѣ просили благодати славить оное чистымъ сердцемъ; и сія пѣснь въ началѣ возгласена въ затворенномъ алтарѣ, когда церковь еще молчала. Что значить сей чинъ? — И здѣсь видно послѣдованіе событію. Ангелы узнали и прославили воскресеніе Христово послѣ человекѣвъ: ибо человекѣки узнали оное вначалѣ отъ Ангеловъ. Небо же отверзлось видимо для земли, когда Христось отверзъ оное невидимо силою креста своего, и, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Своимъ, ввелъ въ оное Патріарховъ, Пророковъ и Святыхъ ветхозавѣтныхъ, при славословіи Ангеловъ. Вѣрою, а не вѣдѣніемъ знаемъ мы сей торжественный крестный ходъ Церкви небесной. Чтобы наше знаніе о немъ было не слишкомъ

темно, и образовательное подражаніе оному въ Церкви земной не слишкомъ мертво, для сего имѣемъ нужду просить отъ Христа Бога благодати и чистаго сердца; потому что чистые сердцемъ Бога узрять. (Матф. V. 8).

Оставивъ алтарь и храмъ, мы остановились въ ночи, на западѣ, передъ затворенными вратами храма, и тамъ возгласили первое славословіе Пресвятой Троицѣ и воскресшему Христу. Кадило и крестъ отверзли намъ врата храма; и тогда изъ тьмы внѣшней вошли мы въ его внутреннѣй свѣтъ, и неудержимо предались восторгамъ праздника. Каково же знаменованіе этого? — То самое, которое мы отчасти уже указали. Въ видимыхъ дѣйствіяхъ Церкви земной по возможности начертанъ образъ невидимаго торжества Церкви небесной.

Воскресеніе и восхожденіе Христово началось не отъ гроба только, но и отъ ада: ибо по крестной смерти Своей, Онъ былъ, какъ исповѣдуетъ Церковь, «во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ». «Даже до ада нисшелъ Онъ, и тамо сущую тьму разрушилъ». Спаситель міра, послѣ того, какъ въ видимомъ мірѣ распялся и умеръ, въ мірѣ невидимомъ даже до ада нисшелъ и души вѣрныхъ озарилъ, и отъ сѣни смертной извелъ ихъ, и двери рая и неба имъотверзъ; и, снова въ видимомъ мірѣ, свѣтъ воскресенія показалъ.

Какъбы вмѣстѣ съ обитателями невидимаго міра, на западѣ, во мракѣ ночи, какъ бы въ сѣни смертной, стояли мы передъ затворенными вратами храма, какъ бы передъ затворенными вратами рая. Черезъ сіе Церковь хотѣла сказать намъ: такъ было до воскресенія Христова, и такъ было бы вѣчно безъ воскресенія Христова. Потомъ славословія Святыхъ Троицы и Христа воскресшаго, крестъ и кадило отворили намъ врата

храма, какъ бы врата рая и неба. Черезъ сіи знаменія Церковь сказала намъ: такъ благодать Пресвятыя Троицы и имя и сила Христа воскресшаго, вѣра и молитва отверзають врата рая и неба. Горящія свѣщи въ рукахъ нашихъ не только знаменовали свѣтъ воскресенія, но въ то же время напоминали намъ о мудрыхъ дѣвахъ, и возбуждали къ готовности, со

«Я стоялъ на берегу Голтвы и ждалъ съ того берега парома. Было темно, но я все-таки видѣлъ и деревья, и воду, и людей... Миръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Буквально некуда было пальцемъ тинуть. Тутъ были крупныя, какъ гусиное яйцо, и мелкія, съ конспляное зерно... Ради праздничнаго парада вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной точно шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ; звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью.

Съ того берега донесся протяжный звонъ большого колокола. Звонъ былъ густой, низкій, какъ отъ самой толстой струны контрабаса: казалось, прохрипѣли сами потемки. Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ прокатился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Мужикъ, стоявшій рядомъ со мной, снялъ шляпу и перекрестился.

— Христосъ воскресе, — сказалъ онъ.

У самой воды, громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли намъ навстрѣчу. Вдругъ, разсѣкая потемки, золотой лентой взвилась къ небу ракета; она описала дугу и, точно разбившись о небо, съ трескомъ разсыпалась въ искры.

«Какая безпокойная ночь, — думалъ я. — Какъ хорошо».

свѣтомъ вѣры, съ елеемъ мира, любви и милосердія, срѣтить второе, славное пришествіе небеснаго Жениха въ полунощи время, и найти для себя отверстыми Его Царскія двери.

Изъ Слова въ день Святыя Пасхи
Митрополита Московскаго
Филарета.

Безпокойство и бессонницу хотѣлось видѣть во всей природѣ, начиная съ ночной тьмы и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, подъ которыми суетились люди. Но нигдѣ возбужденіе и безпокойство не сказывались такъ сильно, какъ въ церкви. У входа происходила неутомимая борьба прилива съ отливомъ. Одни входили, другіе выходили и скоро опять возвращались, чтобы постоять немного и вновь задвигаться. О сосредоточенной молитвѣ не можетъ быть и рѣчи. Молитвы вовсе нѣтъ, а есть какая-то сплоская, дѣтски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться въ какомъ-нибудь движеніи, хотя бы въ шатаніи и толкотнѣ.

Таже необычайная подвижность бросается въ глаза и въ самомъ пасхальномъ служеніи. Царскія врата во всѣхъ приделахъ открыты настежь, въ воздухѣ около паникадила плаваютъ густыя облака ладаннаго дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блескъ, трескъ свѣчей... Чтеній не полагается никакыхъ; пѣніе суетливое и веселое не прерывается до самаго конца; послѣ каждой пѣсни въ канонѣ духовенство мѣняетъ ризы и выходитъ кадить, что повторяется почти каждыя десять минутъ.

Когда послѣ обѣдни мы вышли изъ церкви, то ночь уже не было. Начиналось утро...

(А. П. Чеховъ. «Святою ночью»).

«Къ вечеру Великой Субботы домъ нашъ свѣтился предѣльной чистотой, какъ внутренней, такъ и внѣшней, благоустной и счастливой, тихо ждущей въ своемъ благообразіи Христова праздника, Христова пречистаго посѣщенія. И вотъ праздникъ наступалъ — ночью съ Субботы на Воскресеніе въ міръ совершался нѣкій дивный переломъ. Христосъ побѣждалъ смерть и торжествовалъ надъ нею. Къ заутренѣ насъ не возили, но все же мы просыпались съ чувствомъ этого благодѣтельнаго перелома, такъ что, казалось бы, дальше не должно было бы быть мѣста никакой печали. Однако, она даже и тутъ была, даже въ Пасхѣ. Вечеромъ въ тихихъ и розовыхъ вечернихъ поляхъ слышалось отдаленное, но все приближавшееся и все повторявшееся съ радостной настойчивостью: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ» — и черезъ нѣкоторое время

показывались «Христоносцы», молодые мужики безъ шапокъ и въ бѣлыхъ подпояскахъ, высоко несшіе огромный крестъ, и дѣвки въ бѣлыхъ платкахъ, которыя несли въ чистыхъ полотенцахъ церковныя иконы. Они шли съ торжествующимъ пѣніемъ, входили во дворъ и, наконецъ, дойдя до крыльца, радостно и взволнованно, съ сознаниемъ честь-честью завершенаго дѣла замолкали, затѣмъ братски, какъ равные съ равными, цѣловались со всѣми нами мягкими и теплыми, очень приятными мелодыми губами и осторожно вносили крестъ и иконы въ домъ, въ залъ, гдѣ въ тонкомъ полусвѣтѣ весенней зари мерцала въ главномъ углу лампадка, и ставили иконы на сдвинутыя подъ лампадку столы, на новыя красивыя скатерти, а крестъ на стулъ въ мѣру съ рожью. Какъ прекрасно было все это!».

(Ив. Бунинъ. «Жизнь Арсеньева»).

Христосъ Воскресе!

«Сколь ни много уже разъ повторяли мы нынѣ, но и еще не утомляемся повторять, уповаемъ же, что и вы не утомляетесь такъ часто слышать одно и то же

слово: Христосъ Воскресе.

Какое чудесное слово. Какъ измѣняется отъ него видъ всего, что существуетъ». (Филаретъ, М. Московскій).

Побѣда, побѣдившая міръ

Однажды лишь въ церковномъ году дается вкушеніе чистой безпримѣсной, бѣлой, какъ солнечное сіяніе, радости. Происходитъ это въ Пасхальную ночь. Какъ изъ переполненной чаши проливается эта радость во внѣ, за церковную ограду и готова охватить сіяющимъ облакомъ — нимбомъ весь міръ.

«Радуйтесь!» — Таковы первые слова Христа, возсіявшаго изъ гробовыхъ пеленъ, изъ скорбной и окровавленной плащаницы. «Чистая Дѣва, радуйся!» — зву-

читъ ангельское, внутрицерковное привѣтствіе Той, которая Сама есть живое олицетвореніе Церкви.

«Христосъ возста, веселіе вѣчное» — на весь космосъ гремитъ ликъ церковный!

А слово Іоанна Златоустаго, произносимое въ концѣ пасхальной утрени? — Да вѣдь это бьющій ключомъ, непомнящій себя отъ радости, неисчерпаемый источникъ всепрощенія, радости и любви — поистиннѣ, огненное вѣщаніе священнаго слова, хотя и не внесеннаго въ канонъ, но зани-

мающаго тамъ царственное мѣсто по праву первородства.

Раскрывается сущность христіанскихъ обѣтованій, ихъ сокровенный смыслъ. Какъ плодъ изъ завязи, исходитъ смысловая сущность христіанскихъ символовъ — обѣтованій Вѣтхаго и Новаго Завѣтовъ. Плодъ побѣды надъ грѣхомъ есть вѣчная радость. Но и другой голосъ звучать:

Какъ стоишь изъ глубины,

Протяжный и глухой.

Онъ вѣщаетъ намъ, что сущность грѣха есть вѣчная скорбь. Побѣдить эту скорбь вѣчной радостью и пришелъ въ міръ Сынъ Человѣческій, Онъ же и Сынъ Божій, прошедшій весь страдальческій путь подъяреннаго человѣчества. Самъ не мѣя на Себѣ грѣховнаго ярма. Но таковъ путь совершенной любви, приносящей радость. Такимъ путемъ былъ и путь Творца и Искупителя твари, — для свободной радости вызванной къ бытію.

Воистину драма творенія, драма искупленія — это драма любви. Но нѣтъ любви безъ свободы. Несвободная любовь содержитъ въ себѣ жесточайшее внутреннее противорѣчіе и не есть любовь. Иллюзія несвободной любви, «даръ данайцевъ», даръ князя вѣка сего. Онъ и запнулъ за пинаніемъ свободы взлетавшую къ божественному свѣту изъ бездны небытія тварь

Свободный путь пересѣкая,

Взвился изъ бездны адскій духъ...

И ушла тварь «на страну далече» во образѣ блуднаго сына, и измѣнила своему Жениху Небесному и Его предвѣчному Отцу — «Отвергающій Меня, отвергаетъ, пославшаго Меня». Измѣнила сначала во образѣ, или, вѣрнѣе, въ безобразіи паденія Адамова — «Вообразивъ страстей моихъ безобразіе», — измѣняла потомъ и въ символахъ идолопоклонническихъ паденій, избраннаго народа и въ его законническомъ окостенѣніи. Отвергнутый Женихъ, — въ праведномъ гнѣвѣ любви, — призвалъ «язычниковъ» — увѣчныхъ, хро-

мыхъ, слѣпыхъ, нищихъ — какъ много въ этомъ символики! — «И наполнился домъ возлежащими».

«Уже не терплю ктому: призову Моя языки, и тѣи Мя прославятъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ».

Это драма, отвергнутой любви, жгущая «даже до ада преисподняго» — и поискъ любимаго — «и сего не обрѣты на земли, даже до ада сошелъ еси лютаго».

Объ этомъ возвѣщаетъ скорбный и протяжный звонъ къ выносу плащаницы. Въ этой мистеріи раскрывается тайна Жениха, снимаемаго съ креста любви и погребяемаго «въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертной». Никто такъ не умиралъ и не умереть, какъ умеръ Безгрѣшный, принявшій всѣ грѣхи и всѣ смерти на Себя. И если до мгновенія смерти крестной раскрывалась тайна состраданія Творца твари, то теперь наступило для твари время оплакивать поруганнаго и униженнаго Творца, время исходящаго «милостивыми слезами; плача благообразнаго Іосифа съ Никодимомъ надъ «Одѣвающимся свѣтомъ, яко ризою».

Великая вечерня Великой Пятницы*) — снятіе со креста.

Утренняя Великой Субботы — погребеніе.

Наступаетъ торжественный мигъ — «всемірнаго молчанія», — и Господь воскресаетъ во исполненіе, любящей мольбы Своей Церкви во образѣ Пресвятой Богородицы. Таковъ смыслъ канона «Плачь Богородицы» на повечеріи Великой Пятницы. Господь не остается равнодушнымъ къ слезамъ Святѣйшей изъ созданной имъ твари. И эта любовь Творца превращаетъ мракъ Великаго Пятка въ тайну Святой и Великой Субботы, этой мистеріи

*) Съ формально-литургической точки зрѣнія Вечерню и повечеріе Великой Пятницы правильнѣе было бы называть Вечерней и повечеріемъ Великой Субботы.

зачатія новой жизни и вѣчнаго покоя. «Плотію субботствовалъ во гробѣ, дарова намъ новое субботство».

Какъ полно глубокаго прообразовательнаго смысла ветхозавѣтное огражденіе покоя субботняго дня — вѣдь это символъ чистоты новой Христовой субботы въ жизни будущаго вѣка, куда не войдетъ ничто нечистое, куда не проникнетъ никакое житейское попеченіе

Не заноси же въ міръ святыни

Своихъ невольничьихъ тревогъ...

И въ то же время Христосъ былъ осужденъ на смерть за нарушеніе субботы ветхой, производимое тѣми Его трудами, которые должны были явить цѣль — «эйдось» — субботы ветхой — Субботу Новую. «Да худшее воспримъ, подасть ми лучшее».

О трагическая діалектика!

Совершенно особыхъ устремленій, настроеній и установокъ полна утренняя Великой Субботы, съ ея «непорочными», канонамъ «Волною морскою», крестнымъ ходомъ съ плащаницею вокругъ церкви и съ громовымъ пророчествомъ Іезекіиля о воскресеніи. Пророчествомъ, въ которомъ несказанный ужасъ объемлетъ насъ вмѣстѣ съ несказанной радостью. Непередаваемый трепетъ проникаетъ насъ отъ ирмоса пятой пѣсни канона «Волною морскою», наполненнаго сверхчеловѣческимъ огненнымъ томленіемъ по вѣчности изъ времени.

«Богоявленія Твоего Христе къ намъ милостивнаго бывшаго Исаія себѣ видѣвъ невечерній изъ ноши утренивалъ зываше: воскреснуть мертвіи и возстанутъ сущи во гробѣхъ и вси земнородни возрадуются».

«Близко утро, но еще ночь» — зываетъ намъ тотъ же «пятый евангелистъ» Исаія. И отъ этого должны подняться наши восклоненныя, никнушія долу головы. Нашъ возлюбленный Господь сошелъ во адъ, чтобы «царски рыкая, какъ левъ»

разбудить спящихъ кошмарнымъ сномъ смерти. Ибо спокойной смерти не бываетъ, бываетъ только спокойная жизнь. И вѣчный покой въ вѣчной жизни. Смерть же — это — апогей грѣха, его «злой жизни», превратившейся въ вѣчную агонию, въ адскій огонь. И въ пасхальную ночь Господню мы всѣ явственно слышимъ пробуждающій насъ отъ мытарствъ грѣха голось, ибо и жизнь наша превратилась въ кошмаръ, и томимся мы всѣ какъ Исаія по утру воскресенія.

Со времени воплощенія Господня путь Сына Человѣческаго и пути міра таинственно связаны, и не дано болѣе имъ отдѣляться другъ отъ друга. Страсти Господни раскроются въ концѣ міра, какъ страсти міра, ибо Христосъ — Логось — онтологически держитъ міръ, и міръ, часто этого не сознавая, со-страдаетъ Христу, какъ и Христосъ, по благости Своего человѣколюбія, сострадаетъ міру. Этимъ объясняется, почему шествію Господа на страданіе предшествуетъ Его апокалиптическая бесѣда, (24-25 глава Еванг. Матѳея; Лук. 21, Мрк. 13), этимъ объясняется почему Страстная Седьмица и Пасха — какъ бы два великихъ лика единаго апокалипсиса — апокалипсиса агоніи и апокалипсиса воскресенія.

Будетъ у міра и воскресеніе Лазаря — быть можетъ, во исполненіе Федоровскихъ упованій*), будетъ и свой входъ, входъ во Іерусалимъ — таинственное тысячелѣтнее царствованіе святыхъ на землѣ, будетъ и Тайная Вечеря — выходъ Церкви съ Евхаристической Чашей во внѣ храма, будетъ и умовеніе ногъ — смире-

*) О Н. Ф. Федоровѣ и его «упованіяхъ» («всеобщее воскрешеніе», какъ задача исторіи, какъ нашъ сбщій долгъ передъ отцами) — см. «Вѣстникъ» Августъ-Сентябрь-Ноябрь 1931 годъ, «Н. Федоровъ и препод. Серафимъ Саровскій» (В. Н. Ильинъ).

ніе мудрыхъ и высокая благотворительность, благодатное социальное устройство. Но будетъ и своя Гефсиманская ночь — тупикъ и безвыходность, искушеніе невѣримъ, будетъ и взятіе подъ стражу, и Иудинъ поцѣлуй — предатели изъ своей среды, наступитъ несправедливый судъ, преторія Пилата — рационалистическія и государственно правовыя напасти, раскроются Голгофа и гробъ, — убіеніе и умученіе многихъ, разрушеніе плодовъ дѣла вѣрныхъ, уходъ прочихъ въ каткомбы, гдѣ тоже будутъ распри и взаимоподданія, наступятъ дни, которыхъ въ порядкѣ естественномъ не вынесла бы никакая плоть... А затѣмъ изъ безднъ космоса, изъ его подвигшихся свѣтилъ — огненный апокалипсисъ — воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка — новый, несказанный эонъ, нескончаемый вѣкъ. И воскресеніе Господне отразится на воскресеніи міра, явленіи новаго неба и новой земли.

«Господь воцарися, въ лѣпоту облеченъ».

Лѣпота — красота, являющая себя, какъ тайная жизни будущаго вѣка. Гос-

подь воскресъ изъ мертвыхъ силою «Святаго Безсмертнаго», явленнаго въ воплощеніи страданія и раскрывающагося, какъ образъ вѣчной красоты, въ воскресеніи и жизни будущаго вѣка. Но красота есть то, чѣмъ движется любовь. И то, что грядетъ за апокалипсисомъ, то раскрыто въ «Пѣснѣ Пѣсней», въ пирѣ вѣчной, эонической любви, которая «никогда не престаетъ».

Красота воскресенія Господня и есть побѣда, побѣдившая міръ. Иисусъ Христосъ, какъ Женихъ, исходитъ изъ гроба, и Церковь, «какъ невѣста, украшенная для мужа своего», выходитъ къ Нему навстрѣчу.

Человѣчество Христово есть его супруга, — невѣста, предвѣчная Церковь *Ecclesia perpetua*, «ковчегъ, позлащенный духомъ».

«Духъ и Невѣста» — тайна жизни будущаго вѣка и плодъ воскресенія.

«Господь воцарися, въ лѣпоту облеченъ».

В. Н. Ильинъ

Парижъ, 1932.

Апрѣль.

Нерукотворный образъ Иисуса Христа (Туринская плащаница).

Недавно, въ помѣщеніи Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія въ Парижѣ, былъ прочитанъ докладъ г-номъ Солодовниковымъ о Туринской плащаницѣ.

Преданіе утверждаетъ, что плащаница эта хранитъ на себѣ нерукотворное изображеніе Иисуса Христа. Я постараюсь передать здѣсь то совершенно потрясающее впечатлѣніе, которое произвелъ на меня этотъ докладъ.

Уже заранѣе предчувствуя нѣчто не-

обычайное, я смутно волновался и былъ охваченъ какимъ-то трепетомъ. Докладъ долженъ былъ начаться сразу же послѣ всенощной.

Маленькая Монпарнасская церковь была полна народу. Горѣли свѣчи. Надъ алтаремъ, сквозь дымку голубого ладана, тусклѣлъ темный и суровый ликъ Спасителя, и торжественно неслись къ Нему стройные аккорды пѣснопѣній. Съ трепетомъ я смотрѣлъ на Него и ждалъ необычайнаго.

И необычайное совершилось.

До сихъ поръ горитъ въ моей душѣ образъ... но Чей!?... — Его, Его Самого, Господа нашего Иисуса Христа.

Собственными глазами я видѣлъ Его истинное изображение, Его «портретъ»! Это было до того необычайно и ошеломляюще, что я до сихъ поръ не могу опомниться и осознать того, что я видѣлъ.

То Лицо, которое нельзя видѣть, Лицо иконы, Спасителя нашего, Иисуса Христа, Сына Божія, — я видѣлъ собственными глазами.

Его Лицо, Его Тѣло...

Дскладчикъ ясно, просто и неопровержимо доказалъ, что Туринская плащаница есть та самая подлинная плащаница, въ которую было завернуто тѣло Иисуса Христа при Его погребеніи, и что на ней отпечатлѣлось Его истинное изображение.

Когда на бѣломъ экранѣ появилось оно, мнѣ сначала показалось, что вообще на полотнѣ нѣту ничего, кромѣ какихъ-то темныхъ пятенъ, — но въ слѣдующее мгновение я увидѣлъ Лицо и Тѣло...

Смутное отображеніе головы, груди, рукъ, ногъ, — какъ будто нѣчто призрачное, тѣло, пронизанное рентгеновскими лучами.

Руки сложены внизу, ноги какъ на крестѣ. На рукахъ и внизу на ногахъ черныя пятна, — кровь отъ пронзенія гвоздями..., у праваго бока большое темное, продолговатое пятно, то мѣсто, куда вошло копье... И Лицо... Нѣтъ! Это было слишкомъ необычайно, слишкомъ страшно! Тотъ самый образъ, который глядитъ съ потемнѣвшихъ иконъ, знакомый, любимый, дорогой, бесконечно близкій, бесконечно далекій, недосыгаемо прекрасный и высокій, Божественный образъ Господа нашего

Именно Онъ, Его образъ. Такой, какимъ Его представляютъ всегда, но не написанный рукой художника, нерукотворный, **настоящій, подлинный!** Его кровь,

Его кровавый оттискъ на тонкомъ полотнѣ.

Описать Его Лицо нельзя. Какимъ-то неземнымъ дуновеніемъ пахнуло на меня отъ экрана, отъ бѣлой гладкой доски.

Его Лицо!

Длинные волосы, усы и борода, Его носъ, тонкій и продолговатый, и закрытые глаза. Печаль, спокойствіе и страданіе на Его лицѣ. На лбу кровь, — отъ терноваго вѣнца.

Такъ ясно и вопіюще встала передо мною вся ужасающая несправедливость мученія и казни. Казни Того, Кто пришелъ спасти міръ, Кто принесъ любовь и благодать людямъ, Кто былъ такъ высокъ и такъ прекрасенъ. Замучили, избили, заплевали, гвоздями прибили ко кресту и бокъ пронзли копьемъ.

Убили... и вотъ Его изображеніе, мертваго.

Какъ будто что-то вродѣ сіянія вокругъ головы, и страданіе, страданіе сквозь спокойствіе смерти. Вереница прошедшихъ вѣковъ отошла куда-то. И вотъ передо мной весь ужасъ, весь позоръ. На спинѣ — слѣды бичеваній, носъ въ одномъ мѣстѣ распухъ, повидимому, отъ удара, щека тоже, ротъ какъ-то искривленъ.

Отъ падающихъ словъ, приводимыхъ разъясненій становилось все горче, все мучительнѣй. Высота и невыразимость Его подвига отодвигалась куда-то вдаль, а передъ глазами вставалъ образъ невинно замученнаго, оскорбленнаго и заплываннаго Человѣка.

Французскій профессоръ Vignon (который присутствовалъ на докладѣ), посвятивъ обслѣдованію Туринской плащаницы всю свою жизнь, написалъ о ней большую книгу, доискиваясь истины чисто научнымъ путемъ. Онъ въ концѣ своей жизни пришелъ къ полному и твердому убѣжденію, что изображеніе, сохранившееся на Туринской плащаницѣ, является подлиннымъ нерукотвореннымъ

изображеніемъ Христа. Профессоръ Vignon убѣжденъ неопровержимо и твердо, что это изображение не могло быть работой искуснаго художника, что оно не есть изображение кого-либо другого. Но и чуда въ этомъ проф. Vignon не нашель. Произошло это, по его словамъ, такъ, — приведу кратко его нѣкоторыя доказательства.

Какъ извѣстно, Иисусъ Христосъ былъ распятъ въ пятницу и умеръ въ тотъ же день вечеромъ. Въ субботу же была еврейская Пасха — день полнаго покоя. Тѣло Иисуса Христа не успѣли омыть, и только плащаницу, въ которую завернули Его, пропитали миромъ и драгоценными маслами. Неомытое, покрытое потомъ страданія и кровью тѣло дало химическій отпечатокъ на ткань полотна, пропитанную миромъ и маслами. Испаренія аммоніака, содержащіяся въ выдѣленіяхъ пота, особенно въ болѣзненныхъ, химически воздѣйствовали на составъ мира, смиренны и алоэ.

Изображеніе получилось негативное, обратное, какъ на фотографіи, роль свѣточувствительной пластинки сыграла ткань полотна.

Такъ что рана отъ прободенія копьемъ оказалась на лѣвой сторонѣ изображенія на плащаницѣ, а свѣтовая, выпуклая часть носа, лба и груди оказались темными. Никакимъ образомъ такое изображеніе не могло быть сдѣлано рукой художника, особенно нѣсколько столѣтій назадъ (когда нашли Туринскую плащаницу).

Еще одинъ фактъ, устраняющій возможность поддѣлки, указаль проф. Vignon — кровавыя пятна на рукахъ показываютъ, что кровь текла не внизъ, а вверхъ. Объясняется это тѣмъ, что на крестѣ руки подняты и, ясно, кровь отъ кисти текла къ локтю. Могъ ли до этого додуматься художникъ, жившій много вѣковъ тому назадъ? Туринская плащаница не могла быть плащаницей кого-ни-

будь другого. Потому что съ началомъ тѣлнія изображеніе исчезло бы; Тѣло почившаго Христа не было въ плащаницѣ болѣе трехъ дней.

За сухими, жесткими и какъ-будто бы холодными доказательствами вставаль образъ необычайнаго и невозможнаго. Иногда доказательства становились столь жгуче-реальными, что хотѣлось крикнуть — довольно. Но профессоръ продолжалъ говорить, говорить о томъ, какъ и почему дало отпечатокъ неомытое тѣло Распятаго Христа. А на экранѣ темнѣло страшное изображеніе и, казалось, глаза уже смотрѣли съ упрекомъ и скорбью. И хотѣлось упасть передъ Нимъ на колѣни и цѣловать край окровавленнаго полотна...

И это Тебя били, Тебя мучали, Тебѣ одѣли терновый вѣнокъ, Тебѣ плевали въ Лицо, Тебѣ пронзили руки и ноги гвоздями! Какой ужасъ, какой позоръ!

Прости! Прости! Велика наша вина. Простишь ли Ты? Пусть потопимъ въ крови нашей всю землю нашу, мы четверти не своемъ Твоей боли, Твоего мученія, Твоей крови!

О, какъ мы мерзки, какъ низки!

Тебя, Тебя распяли.

И Ты стоялъ передъ нами съ Твоимъ пречистымъ Божіимъ Лицомъ, и мы не увидѣли, «распи Его!» кричали. О, ужасъ! О, позоръ! Простишь ли Ты? Но Ты простишь... Почему же страданіе на Твоемъ Лицѣ? Тебѣ было больно, очень больно, у Тебя кровь на лбу и руки пронзены. Боже нашъ! Мы, мы убили Тебя, руки Твои пронзили, пригвоздили къ дереву и подняли надъ землею Тебя. Тебя, Невиннаго, Чистаго и Безгрѣшнаго! За всю любовь Твою, за красоту, за Божество Твое, — замучили тебя — убили!

Какъ смѣемъ мы теперь смѣяться и радоваться, когда Твоя кровь, Твое страданіе на насъ?

«Какъ могутъ наши щеки быть красными, когда Твои блѣдны, какъ могутъ смот-

рѣть наши глаза, когда Твои закрыты, какъ могутъ наши уста болтать дурное, когда Твои замкнуты и безгласны?» (Изъ разск. Леонида Андреева «Иуда Искариотъ»).

Господи, прости!

И когда на слѣдующее утро я стоялъ въ церкви и опять смотрѣлъ на темный образъ надъ алтаремъ, передъ глазами вставало Его мертвое Лицо, Его страданіе и кровь.

И когда торжественнымъ аккордомъ пронесся возгласъ «Господи, помилуй»,

— я не могъ удержаться отъ слезъ. Сердце щемило отъ боли.

Но съ мучительной мыслью о Его распятіи и смерти подымалась изъ сердца и росла ликующая радость, побѣдная радость с Его Воскресеніи.

Смерть не удержала Того, Кто обвить былъ плащаницею. Изъ гроба черезъ смерть возсталъ Онъ, смертию смерть поправъ!

Христе, воскресе!

С. А.

О христіанскомъ гуманизмѣ*)

Для большинства нашихъ современниковъ Христіанство и гуманизмъ представляются чѣмъ-то несомнѣстимымъ. Наше Православное возрожденіе отталкивается отъ гуманизма, утверждаетъ себя какъ нѣчто противоположное антихристіанскому гуманизму. Пораженіе гуманизма кажется торжествомъ Христіанства и обратно. Гуманизмъ въ эпоху краткаго, но бурнаго существованія, дѣйствительно, былъ преимущественно движеніемъ антихристіанскимъ. Такимъ онъ проявилъ себя не только въ 18 и 19-въ вѣкахъ, когда онъ сталъ опредѣленно антихристіанскимъ, но и въ самомъ первомъ своемъ расцвѣтѣ, въ 15-мъ столѣтіи, онъ обнаружился, какъ сила отрицательная. Однако, можно и должно говорить о гуманизмѣ христіанскомъ, ибо гуманизмъ по своему происхожденію есть явленіе христіанское. Антихристіанскій моментъ не входитъ съ необходимостью въ содержаніе и сущность гуманизма. Нельзя забывать, что Пушкинъ, Достоевскій были великими гуманистами.

Что такое гуманизмъ? Гуманизмъ дѣлаетъ особое удареніе на человѣкѣ, человѣческой личности, человѣческомъ творчествѣ. Это удареніе можетъ быть такъ сильно, что подчеркиваніе красоты и достоинства человѣческой личности, силы и значенія человѣческаго творчества превращается въ ударъ, направленный противъ Бога, — человѣкъ противопоставляется Богу. Тогда гуманизмъ становится безбожіемъ. Но гуманизмъ можетъ развиваться и внутри религіозной сферы цѣнностей, можетъ существовать въ Христіанствѣ. Тогда это удареніе на человѣкѣ противопоставитъ человѣка силамъ природы, социальному порядку, построенному на порабощеніи человѣческой личности.

Говоря о гуманизмѣ, слѣдуетъ отличать гуманизмъ творческій и гуманизмъ каритативный, альтруистическій. Они связаны съ двумя различными отбѣнками въ пониманіи человѣческой личности. Можно подходить къ ней съ утвержденіемъ силы, красоты, жизни этой человѣческой личности — таковъ гуманизмъ эпохи Возрожденія, — или же относиться къ человѣку, какъ существу страдающему и гиб-

*) Запись бесѣды Г. П. Фелотова въ «Воскресномъ собраніи».

нушему, звать къ сочувствію, къ любви — это гуманизмъ каритативный, гуманизмъ состраданія («гуманность»). Каритативный гуманизмъ не свойствененъ гуманизму эпохи Возрожденія. Послѣдній жестокъ къ человѣку. Но Франція 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, какъ Россія въ теченіе всего 19-го вѣка, создала литературу преимущественно каритативнаго гуманизма. Сейчасъ, когда идетъ бой противъ гуманизма, удары направляются и по той, и по другой линіи — и противъ творческаго утвержденія личности, и противъ состраданія къ человѣку. Нашу эпоху характеризуютъ, какъ эпоху крушенія гуманизма. Дѣйствительно, удары противъ гуманизма сыплются со всѣхъ сторонъ. И религіозныя, и антирелигіозныя теченія объединяются въ оппозиціи противъ гуманизма. Гуманизмъ, несомнѣнно, умираетъ, но смерть его отнюдь не обозначаетъ торжества религіи и Христіанства. На развалинахъ гуманизма утверждаетъ или стремится утвердить себя культура антигуманистическая, противочеловѣческая, но безбожная.

Современная цивилизація пронизана антигуманистическими началами. Они торжествуютъ въ современной техникѣ; они поработаютъ личность, безмѣрно усложняютъ жизнь, развязываютъ силы природы, прежде служившія человѣку и сейчасъ уже не желающія ему покоряться. 19-ый вѣкъ видѣлъ въ техническомъ прогрессѣ путь къ комфорту, вѣрилъ, что благодаря техникѣ жизнь станетъ удобной и легкой. Но техническій прогрессъ представилъ человѣка къ машинѣ, потребовалъ огромнаго увеличенія энергіи, непосильнаго труда, принесъ все возрастающее безуміе темповъ, превратилъ жизнь и пролетаріевъ, и капиталистовъ въ постоянную тревогу и напряженіе.

Искусство есть по преимуществу сфера свободы человѣка. Но въ современномъ искусствѣ какъ разъ особенно ясно

презрѣніе къ человѣку. Въ живописи это сказывается въ исчезновеніи портрета. Гуманистическая эпоха не имѣла иконы, и портретъ былъ высшимъ выраженіемъ ея живописнаго идеала, ея словомъ о человѣкѣ. Портретная живопись достигаетъ предѣльнаго совершенства у Веласкеза и Рембрандта. Классическій портретъ стремился разгадать и рассказать самое заветное, самое глубокое въ человѣкѣ, запечатлѣть человѣческое лицо въ его индивидуальности. Современный художникъ трактуетъ лицо, какъ *nature morte*: какъ сапоги, какъ кусокъ мяса; глубина, психическое содержаніе, стоящее за лицомъ, сознательно отрицаются; лицо ничего не выражаетъ, — это только опредѣленное сочетаніе плоскостей и линій. Въ современныхъ исканіяхъ живописи идетъ борьба противъ сюжетности, содержанія, такъ какъ сюжетъ, содержаніе — нѣчто привносимое человѣкомъ; единственной темой живописи должно быть пространство и краски. Раньше въ центрѣ картины, помимо портрета, стоялъ человѣкъ въ отношеніи къ природѣ (пейзажъ), въ отношеніи къ окружающей средѣ (жанръ), исторіи; сейчасъ — исключительно пространственные формы безъ всякаго психическаго содержанія.

Въ музыкѣ также борьба съ психологизмомъ. Старая музыка стремилась выразить настроенія, чувства. Сейчасъ открыты въ музыкальномъ произведеніи молодого художника слѣды настроеній, чувствъ, значитъ обвинить его въ реакціонности. Музыка хочетъ быть чистымъ искусствомъ звуковъ и только звуковъ. Она обращается только къ уху и къ стоящему за ухомъ царству звуковыхъ формъ; можетъ быть, выразимыхъ математически, но лишенныхъ какой бы то ни было связи съ чувствами, съ радостью и страданіемъ человѣка.

Въ философіи борьба съ человѣкомъ, извѣстная подъ именемъ борьбы съ пси-

хологизмомъ, началась еще задолго до того, какъ она проникла въ сферу искусства. Съ наибольшей остротой эта философская борьба противъ человѣка въ философіи велась въ такъ называемомъ неокантіанствѣ. Идеалистическая философія стремится исключить человѣка, какъ познающую личность, и хочетъ построить міръ, исходя изъ самого познанія, изъ чистыхъ формъ познанія. Въ стремленіи къ преодолѣнію психологизма, особенно въ научномъ творчествѣ, есть правда, которой никто не отрицаетъ. Но нужно признать и то, что въ результатѣ преодолѣнія психологизма въ мірѣ уже нѣтъ мѣста человѣку. Природа, минуя человѣка, соединяется съ царствомъ идей, идеи непосредственно и плотно налегаютъ на вещи, и для человѣка уже не остается мѣста. Душа распалась на рядъ автономныхъ сферъ, объективныхъ цѣнностей — моральныхъ, эстетическихъ и иныхъ, человѣческое же «я» стало проблематичнымъ.

Современный человѣкъ, особенно молодежь, утверждаетъ себя въ спортѣ. Въ спортѣ какъ будто можно видѣть утвержденіе тѣла, воскресеніе идеи гармоническаго развитія тѣла. Но въ дѣйствительности и въ спортѣ человѣкъ приносится въ жертву. Движущимъ мотивомъ спорта является совсѣмъ не античный идеаль гармонически развитаго тѣла. Тамъ, гдѣ царить рекордсменъ, не можетъ быть и рѣчи о гармоническомъ развитіи. Задача спорта сводится къ тому, чтобы добиться изъ человѣческаго тѣла максимальнаго эффекта энергіи, въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, — добиться максимальной длины прыжка, максимальной выносливости ногъ и т. д. Здѣсь есть какое-то странное соотвѣтствіе съ фабрикой, которая тоже стремится извлечь максимальное количество мускульной силы. Для того, чтобы добиться цѣли, поставить рекордъ, человѣкъ готовъ изуродовать себя.

Человѣческая личность приносится въ жертву случайной задачѣ, интересы человѣка отрицаются во имя интересовъ коллектива — «команды», «клуба» и т. д. Судьба спортсмена глубоко трагична, — онъ, въ концѣ концовъ, обреченъ на то, чтобы надорваться, погибнуть въ достиженіи рекорда. Можно было бы подумать, что спортсмены одержимы жаждой славы... Но ими движетъ не мотивъ славы, а стремленіе къ достиженію именно объективной цѣли. Что заставляетъ предпринимать полеты въ стратосферу, рисковать жизнью въ автомобильныхъ гонкахъ? Совсѣмъ не мотивъ славы, а нѣчто иное. Человѣкъ и здѣсь оказывается подчиненнымъ стихіи, стихіи скорости, пространства, или количества вообще.

Одно изъ характерныхъ явленій нашей эпохи — помраченіе любви или даже гибель любви, — именно, эротической любви. Животность, чувственность въ человѣкѣ, конечно, остались, но любовь, какъ любованіе личностью другого, влюбленность, поклоненіе любимому или любимой, отсутствуетъ. Не говоримъ уже о романтической любви. Не нужно быть романтикомъ, чтобы знать и чувствовать романтическую любовь. Шекспиръ не былъ романтикомъ и тѣмъ не менѣе написалъ «Ромео и Юлію». Но именно Ромео и Юлія невозможны въ наше время. Взрывы страстей, доводящіе до преступленія, происходятъ и въ наше время, но любовь, какъ служеніе, какъ подвигъ, когда въ расцвѣтѣ напрягаются всѣ силы души, отмираетъ.

Православная аскетика говоритъ о трехъ сферахъ въ человѣческомъ существѣ — духъ, душа и тѣло. Для современности характерно именно отмираніе человѣческой души, отмираніе или замираніе срединнаго элемента въ человѣкѣ, открывающагося преимущественно, какъ начало эмоціональное, чувствующее. Но съ эмоціональной стороной

связанъ цѣлый рядъ другихъ проявленій челоѣка въ области интеллекта и другихъ психическихъ силъ. Волевая дѣятельность челоѣка коренится въ духѣ; она менѣе всего связана съ чувствомъ, поэтому она менѣе угрожаема, умираетъ эмоціонально-познавательный комплексъ, срединная, душевная сфера челоѣка.

Возникаетъ рѣзкое, крайнее развитіе полюсовъ: на одной сторонѣ грубое одностороннее развитіе тѣла, на другой, крайнее развитіе духа. За счетъ гибнущей душевности развивается не только матеріализмъ, но и спиритуализмъ. Для нашего времени увлеченіе спортомъ столь же характерно, какъ и увлеченіе ясновидѣніемъ, умноженіе всевозможныхъ маговъ, развитіе оккультныхъ ученій. Съ этимъ связано огромное вліяніе на современную жизнь индуизма, распространеніе практики йогвъ, и, съ другой стороны, различныхъ системъ чисто медицинскаго примѣненія культуры духа къ леченію тѣла. Почти вся современная медицина приходитъ къ признанію значенія духовнаго начала и къ использованію его для леченія тѣла. Современный челоѣкъ не рабъ тѣла; онъ сознаетъ свою власть надъ тѣломъ и пользуется ею. То, что раньше казалось чудомъ, — преодоленіе духомъ пространства, духовное видѣніе на разстояніи, и т. д., — становится обычнымъ явленіемъ. Недавно сообщалось о женщинѣ, которая можетъ безъ аппарата воспринимать волны радіо; обиліе всевозможныхъ знахарей, предсказателей, ясновидящихъ — свидѣтельствуетъ о массовомъ нарастаніи людей съ развившимися силами духа. Челоѣкъ становится духовно - животнымъ существомъ безъ души, — страшное сочетаніе, открывающее возможность необыкновенныхъ уродствъ и извращеній. Типъ мага-челоѣка съ сильно развитой чувственностью, служащаго только своимъ страстямъ и вмѣстѣ служащаго имъ средствами своей незаконно развитой

духовной жизни, становится обычнымъ въ наше время.

Какъ же этотъ разрывъ духа и тѣла сказывается въ Христіанствѣ? Христіанство есть дѣло богочелоѣческое и, слѣдовательно, не можетъ пренебречь душой челоѣка. Но признаки безчелоѣчной духовности проникаютъ и въ новыя христіанскія воззрѣнія, въ разныхъ исповѣданіяхъ. Въ протестантизмѣ это съ особой силой обнаружилось въ бартіанствѣ. Въ немъ очень остръ антигуманизмъ и даже начало безчелоѣчности, кальвиновское начало. Кальвинъ былъ однимъ изъ непримиримыхъ враговъ гуманизма. Если обратиться къ православной средѣ, то давно уже ощущается, что наше православное возрожденіе свернуло на линію антигуманизма. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Борьба съ психологизмомъ все замѣтнѣе проявляется въ православной религіозности и не только въ области философіи. Сейчасъ многіе изъ насъ не переносятъ пѣнія и чтенія съ выраженіемъ. Конечно, подчеркнуто выразительное чтеніе непереносимо, но борьба ведется не съ нимъ, а даже съ минимальной степенью выразительности, съ наличіемъ нѣкотораго личнаго лиризма, личныхъ переживаній въ отгнкахъ голоса. Многіе возмущаются, если священникъ при совершеніи литургіи чѣмъ-нибудь обнаружить свою челоѣчность, проявить свое, личное религіозное вдохновеніе. Все должно быть обвѣяно нѣкоторымъ холодкомъ, прсникнуто безстрастной сдержанностью, все должно быть только объективнымъ выраженіемъ идеальной сущности. Разумѣется, невозможно требовать, чтобы всѣ и все читали съ выраженіемъ, но когда боязнь выразительности приводитъ къ деревянному чтенію, — это ярко выраженный моментъ антипсихологизма. Челоѣческое чувство должно звучать въ молитвѣ, хотя бы цѣломудренно приглушенное. Другой примѣръ. Какъ-то при-

шлось спросить одного знакомого, стоявшего в очереди у исповѣди, у какого священника онъ думаетъ исповѣдываться. Онъ подчеркнуто - холодно отвѣтилъ: «Я не психологизирую таинства исповѣди», — очевидно, разумѣя подъ психологизацией установленіе личнаго отношенія между духовникомъ и исповѣдникомъ. Вступленіе въ общеніе съ человѣкомъ, это — психологизмъ. Конечно, исповѣдь въ своихъ благодатныхъ дарахъ отъ качествъ человѣка - священника не зависитъ, но отсюда еще далеко до того, чтобы считать не религіознымъ, не православнымъ наличие личнаго момента въ исповѣди, какъ это прозвучало въ отвѣтъ моего собесѣдника. Съ этой точки зрѣнія, изъ молитвы должны быть изгнаны слезы, личная молитва, словомъ, все, имѣющее отбѣнокъ личнаго, эмоціональнаго, человѣческаго. Эти мотивы очень сильны въ евразійствѣ. Евразійство, какъ религіозное теченіе, чрезвычайно интересно — именно своей безчеловѣчностью. Въ религіозной жизни евразійство изгоняетъ всякое волненіе, отвергаетъ расплавленность души, умиленіе; въ конечномъ итогѣ — остается только магизмъ таинствъ, обрядовъ, священнодѣйствій. Но антипсихологизмъ встрѣчается всюду, гдѣ религіозная жизнь строится на уставности.

Въ практикѣ и идеологіи современнаго монашества основное удареніе ставится не на борьбѣ противъ плоти и тѣлесныхъ искушеній, а на борьбѣ противъ души и душевности. Если сравнить отеческую проповѣдь съ проповѣдью нашихъ современниковъ, то окажется, что для современнаго монашества душа гораздо болѣе страшный врагъ, чѣмъ тѣло. Тѣлу, наоборотъ, готовы оказать снисхожденіе, предоставить нѣкоторыя поблажки. Тѣлесныя слабости, съ точки зрѣнія современнаго монашества, даже имѣютъ благое значеніе, могутъ содѣйствовать развитію смиренія. Тѣлесныя страсти не такъ опасны,

какъ душевныя, потому что въ душѣ коренится человѣческая личность. Такого типа аскетическая проповѣдь предостерегаетъ и отъ увлеченія любовью къ ближнимъ, какъ будто здѣсь заключается главное искушеніе для современнаго человѣка. Новое аскетическое благочестіе имѣетъ жестокий характеръ: беспощадное къ душѣ, оно беспощадно и къ человѣческой личности. Проповѣдники новаго Христіанства съ презрѣніемъ говорятъ о «розовомъ Христіанствѣ» прошлаго, Христіанствѣ любви къ ближнему. Новое Христіанство должно быть мистически бѣлымъ или — что все равно — чернымъ, ибо черный цвѣтъ монашества на вершинахъ долженъ преложиться въ бѣлый. Человѣческая личность должна быть принесена въ жертву. Она должна быть подвергнута переплавкѣ подъ высокимъ давленіемъ, чтобы изъ нея въ бѣломъ пламени выплавилось духовное существо, — такъ въ смыслъ духовной жизни въ пониманіи современной аскетики. Такая духовность безразлично относится къ человѣческимъ бѣдствіямъ. Она почти не знаетъ состраданія, считаетъ нехристіанской борьбу противъ источниковъ страданій и соціальной неправды. Наоборотъ, новый аскетизмъ утверждаетъ то, отъ чего отвращается любовь, какъ нѣчто духовно цѣнное и значительное. Онъ утверждаетъ войну, такъ какъ она ведетъ къ преодолѣнію гуманизма, розоваго Христіанства: въ коренномъ раздвоеніи она ведетъ или къ просвѣтлѣнію подлиннаго существа, или къ гибели. Этотъ аскетизмъ имѣетъ большую привлекательность и для жестокихъ эстетовъ типа К. Леонтьева.

Современный идеалъ Христіанства есть по преимуществу идеалъ монашескій. Для монашескаго идеала основной смыслъ и содержаніе дѣланія — преодоленіе тѣла и души во имя обожествленія духа. Этотъ идеалъ входитъ и въ мір-

ской обиходъ. Добротолюбіе читается очень широко. Начинають знакомиться съ Христіанствомъ, съ Христомъ не по Евангелію, а по Добротолюбію. Нужно учесть во взаимной связи эти два характерныхъ явленія современной религіозной жизни — упадокъ Евангелія и возвышеніе Добротолюбія. Это и есть наиболѣе чистое выраженіе антигуманизма. Наше Студ. Хр. Движеніе родилось изъ изученія Евангелія и несло Евангеліе міру, но поэтому оно и «несовременно». Здѣсь причина холодка со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ круговъ къ Движенію и, можетъ быть, неудачи евангельскихъ кружковъ. Люди большого духовнаго опыта и глубины заявляютъ иногда, что Евангеліе — нѣчто мало глубокое и не интересное, что содержаніе евангельской проповѣди такъ элементарно, что и изучать здѣсь нечего; иное дѣло — Добротолюбіе. Существенное въ Евангеліи — не ученіе Христова, такъ какъ въ Евангеліи оно дано еще въ простѣйшей, не раскрытой формѣ, а только Божественная Личность Христа, живущая въ Церкви. Аскетическая литература, включая въ себя все существенное въ Евангеліи, даетъ подлинное, глубокое ученіе Христа, а не ту дѣтскую пищу, молоко словесное, что дано въ Евангеліи. Такое отношеніе къ Евангелію,

конечно, не проходитъ даромъ: оно порождаетъ потускнѣніе лика Христова.

Можно утверждать, что въ русскомъ православіи, какъ нигдѣ, былъ запечатлѣнъ ликъ Христовъ, особенно въ первыя времена Христіанства на Руси. Но въ послѣднія десятилѣтія Ликъ Христовъ въ русскомъ православіи тускнѣетъ, и это потускнѣніе по времени совпадаетъ съ современнымъ намъ православно-церковнымъ возрожденіемъ. Все живетъ — богословская литература, аскетическая жизнь, мистика, но только не опытъ созерцанія Лица Христова. Богочеловѣческая Личность, которая должна была бы все связывать воедино, исчезаетъ изъ опыта православно-церковнаго возрожденія. Появились цѣлыя богословскія системы, гдѣ нѣтъ ни одной главы, посвященной Христу и искупленію. Прямымъ послѣдствіемъ этого является для многихъ невозможность и бессмысленность построенія христіанской жизни въ міру. Какъ будто, для современнаго церковнаго возрожденія есть одинъ путь, показавшій, оправдавшій себя — путь монашества, отрыва отъ міра. На немъ возможны срывы, гибель, но онъ — единственный путь истиннаго спасенія; внѣ этого пути все представляется неяснымъ, сомнительнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отцы и дѣти въ русской эмиграціи

Проблема отцовъ и дѣтей всегда была гучей проблемой, такъ какъ она связана съ процессомъ творчества жизни. Творческое развитіе жизни предполагаетъ наличие извѣстнаго наслѣдія, накопленнаго достоянія, которое усваивается и по-новому раскрывается и оформляется вступающимъ въ жизнь поколѣніемъ. Отношеніе, въ которомъ находится молодое поколѣніе къ старшему, поэтому имѣетъ суще-

ственнѣйшее значеніе. Только въ томъ случаѣ, если между отцами и дѣтьми царитъ внутренняя духовная гармонія, взаимное пониманіе и сотрудничество, осуществляется законъ преемственности, и творческіе порывы молодежи оказываются подлинно созидательными, несутъ преобразование того, что было несовершеннымъ, открываютъ новое, еще неизвѣстное отцамъ.

Для насъ, русскихъ эмигрантовъ, проблема отцовъ и дѣтей пріобрѣтаетъ исключительную напряженность въ силу того огромнаго заданія, которое выпало на долю русской эмиграціи. Какъ бы мы ни относились къ своему положенію эмигрантовъ, какъ бы различно его ни понимали, — независимо отъ этого, каждый изъ насъ своей жизнью и личностью неизбѣжно или роняетъ имя Россіи, или прославляетъ, возвеличиваетъ его. Господь далъ намъ отвѣтственное призваніе быть свидѣтелями о Россіи въ томъ лучшемъ, что было и есть у нея — вѣрѣ православной, правдѣ Христовой, русской культурѣ.

И къ каждому изъ насъ неизмѣнно обращенъ ея вопросъ: «Какъ живешь? Чѣмъ живешь? Какъ несешь мое имя среди народовъ всего міра?» Вотъ именно въ свѣтѣ этой отвѣтственности за наше общее призваніе, проблема отцовъ и дѣтей пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Каково же фактическое положеніе въ эмиграціи въ области отношенія отцовъ и дѣтей? Что здѣсь происходитъ? Существуетъ ли гармонія, необходимая для выявленія высшихъ вѣчныхъ цѣнностей русскаго духа и русской культуры.

Возьмемъ самую глубокую сторону нашей жизни, именно религіозную. Можно сказать, что старшее поколѣніе, т. е. отцы, живутъ религіозной жизнью; она проявляется, главнымъ образомъ, въ любви и привязанности къ церковному богослуженію. Какъ же настроены дѣти, молодые люди и дѣвушки? Очень и очень немногіе изъ нихъ привязаны къ храму. Жизнь храма имъ чужда. Не зная церковно-славянскаго языка, будучи воспитаны по большей части въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ, они очень далеко стоятъ отъ того духовнаго міра, которымъ живутъ стны. Конечно, положеніе не вездѣ одинаковое. Въ православныхъ странахъ (Болгарія, Югославія) молодежь ближе стоитъ къ церковной жизни, но и тамъ не

наблюдается глубокаго проникновенія въ самое существо церковной жизни, а скорѣе существуетъ формально - бытовая связь съ храмомъ и православіемъ. Въ Западной же Европѣ положеніе представляется трагическимъ. Не существуетъ преемственности въ самой основной области личной и общественной жизни. Мы не можемъ явить міру образъ соборнаго церковнаго православнаго общества. Его не существуетъ въ русской эмиграціи. Отцы не могутъ раскрыть дѣтямъ существа своей вѣры, показать ея значеніе, ея роль въ исторіи Россіи, въ созданіи русской культуры. Не могутъ сдѣлать этого по двумъ причинамъ: отчасти въ силу ненормальныхъ условій семейной жизни, при которыхъ родители почти не имѣютъ возможности спокойно общаться съ дѣтьми, имѣть поводы и время для задушевныхъ собесѣдованій; отчасти же въ силу того, что мы сами часто не знаемъ православія, что мы сами въ большинствѣ случаевъ живемъ только его бытовой и эстетической стороною. Дѣти не овладѣваютъ религіознымъ наслѣдіемъ своихъ отцовъ. Вслѣдствіе этого, они теряютъ самыя основныя свойства души русскаго человѣка.

Воспитаніе въ иностранныхъ колледжахъ и школахъ еще больше углубляетъ этотъ духовный разрывъ. Можно сказать, что задача сохраненія духовной связи между родителями и дѣтьми, столь трудная въ нормальныхъ условіяхъ школьной жизни, становится исключительно сложной въ условіяхъ эмигрантскаго существованія.

Перейдемъ въ область національнаго сознанія. И въ этой области старшее поколѣніе, думается, не нашло путей сохраненія единства съ подростающимъ поколѣніемъ. Эмигрантская молодежь мало знаетъ о Россіи, не чувствуетъ и не воспринимаетъ наиболѣе глубокихъ сторонъ русской культуры. Часто она слышитъ рассказы отцовъ о Бѣломъ движеніи, по-

что исключительно въ видѣ отдѣльных эпизодовъ гражданской войны. Способно ли это одно оформить національное самочувствіе молодежи? Имѣетъ ли для нихъ слово Россія, русскій народъ, русская культура то чарующее, мистическое значеніе, которымъ жива и крѣпка душа эмигранта-отца? Не является ли старшее поколѣніе жутко одинокимъ въ своемъ національномъ самосознаніи? Можно ли считать, что тѣ движенія среди молодежи, которымъ присущъ въ томъ или другомъ видѣ опредѣленно выраженный національный моментъ, являются прямымъ продолженіемъ дѣла отцовъ? Повидимому, русскіе люди все больше и больше сбиваются на линію чисто житейской приспособляемости, отказываясь отъ болѣе высокихъ заданій, лежащихъ на эмиграции. Очень часто приходится видѣть, какъ вся сила любви къ дѣтямъ и надежды на нихъ исчерпываются формулой: «Слава Богу, мои дѣти будутъ устроены въ жизни». Борьба за существованіе — ужасная вещь. Но если мы ждемъ отъ русскаго народа, чтобы онъ устоялъ въ эпоху страшныхъ испытаній и сохранилъ въ своей душѣ святости вѣры и нравственнаго сознанія, то то же самое мы должны требовать отъ самихъ себя, цѣликомъ принимая задачу религіозно-національнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія. Недостойно для насъ снижаться до примитивнаго отношенія къ жизни: «Лишь бы какъ-нибудь прожить намъ самимъ и дать возможность дѣтямъ зацѣпиться за жизнь».

Въ области нравственнаго сознанія тоже не существуетъ гармоніи. Современныя условія жизни больше чѣмъ когда-либо способствуютъ самостоятельности и независимости молодежи въ сужденіяхъ о томъ, что нравственно и безнравственно и какъ надо поступать въ различныхъ случаяхъ жизни. Думаю, что молодежь, взятая въ массѣ, довольно скептически относится къ нравственнымъ убѣжденіямъ

отцовъ. Очень часто молодежь склонна упрекать старшихъ въ лицемеріи: «говорите одно а живете совершенно иначе». Надо замѣтить, что авторитетъ церкви и религіи падаетъ въ глазахъ молодежи въ значительной мѣрѣ по причинѣ того, что она не видитъ въ отцахъ, наряду съ привязанностью къ храму и осужденіемъ антирелигіозности большевизма, необходимой нравственной строгости ихъ собственной жизни. Дѣти начинаютъ жить собственной моралью, и часто замѣчанія и возраженія отцовъ звучатъ для нихъ фальшью и надоѣдливымъ морализмомъ.

Если признать сдѣланную мною оцѣнку, хотя бы частично справедливой, неизбежно встанетъ вопросъ: что же дѣлать?

Прежде всего, намъ всѣмъ надо ясно сознать, что ни одинъ изъ существующихъ институтовъ — семья, школа, общественныя организации, церковь въ смыслѣ приходскихъ объединеній, — не могутъ дать подрастающему поколѣнію того, что надо. Необходимо проявить какую-то гениальную подвижность духа и свободу въ исканіи новыхъ формъ и факторовъ, которые были бы коррективомъ къ современному состоянію нашей жизни. Нельзя жить старыми представленіями: нельзя думать, что если врачъ, инженеръ, профессоръ и т. д. имѣютъ свою практику, мѣсто, могутъ снять квартиру изъ 3-4 комнатъ съ приличнымъ входомъ, могутъ учить дѣтей въ лицей или колледжѣ, состоять въ двухъ-трехъ почтенныхъ комитетахъ и, быть можетъ, въ приходскомъ совѣтѣ, то это все, чего отъ нихъ можетъ требовать званіе порядочнаго русскаго человека. Фактомъ своихъ страданій Россія непрестанно обращаетъ къ намъ вопросъ: «Что новаго нашли вы на свободѣ для русской жизни? Что вы готовитесь принести съ собой русскому народу сами или черезъ вашихъ дѣтей?»

Мнѣ думается, что единственнымъ выходомъ изъ положенія является обращеніе

къ самой молодежи, пробужденіе ея само-дѣятельности въ области духовно - нрав-ственного и національнаго самовоспитанія. На принципъ самодѣятельности молодежи держится сейчасъ вся коммунистическая партія въ Россіи. Созданіе такого движенія среди молодежи не можетъ быть дѣломъ только отцовъ. Въ равной мѣрѣ оно не можетъ быть дѣломъ и однихъ дѣтей. Только въ совмѣстномъ творческомъ устроеніи жизни отцы и дѣти могутъ обрѣсти свое духовное и національное единство. Созданіе въ эмигрантской средѣ дѣйствительно православнаго общества, обнимающаго своимъ вліяніемъ семейную и частную жизнь русскихъ людей, — вотъ заданіе, которое надо при этомъ ставить. Должно возникнуть истинное и живое объединеніе русскихъ людей около церкви. Поученія, укоры, сознаніе своего превосходства, духовнаго богатства — со стороны отцовъ — не помогутъ отцамъ дать молодежи то, что отъ нея ожидаетъ Россія. Критика старшихъ, своеволие, гордая заносчивость, легковѣсный пафосъ заявленій — со стороны дѣтей — ничуть не обезпечиваютъ для молодежи возможности стать истинными сынами великой страны. Въ совмѣстномъ трудничествѣ надъ жизнью, въ созданіи новыхъ формъ общенія лежитъ выходъ изъ критическаго положенія.

Движеніе стремится пробить брешь въ оковавшей нашу жизнь рутинѣ отношенія

отцовъ и дѣтей. Идея Движенія — объединить върующую молодежь около церкви для устроенія своей жизни на новыхъ началахъ, — оказалась вполне жизненной, такъ какъ нашла горячій откликъ среди молодежи. Вотъ эту способность молодежи загораться огнемъ религіознаго вдохновенія и надо положить въ основу созиданія новаго института религіозной внѣшкольной работы молодежи. Нужно имѣть даръ исторической и духовной интуиціи для того, чтобы распознать всю значительность замысла Движенія. Отцамъ надо задуматься серьезно надъ тѣмъ, почему молодежь такъ любитъ свои кружки, что она переживаетъ на съѣздахъ, откуда возвращается перерожденной, почему она стремится въ лѣтніе лагеря, какъ она загорается безпредѣльной любовью къ церкви? Если взрослые люди не поймутъ этого и не смогутъ съ любовью войти въ жизнь молодежи, помогая ей въ работѣ надъ своимъ религіозно - національнымъ воспитаніемъ, никогда имъ не засыпать того провала, который образуется между ними и дѣтьми, и никогда не выполнить передъ Россіей своего долга: самимъ достойно пронести русское имя среди народовъ Европы и оставить Россіи поколѣніе, сильное духомъ и способное творить новую жизнь на развалинахъ большевизма.

А. Никитинъ.

Совѣтскіе школьники

(Окончаніе).

«Въ 15-й школѣ Ленинграда организовалась группа», — пишетъ «Революція и Культура» — школьной интеллигенціи, «антиобщественная организація», выдвигавшая въ своей программѣ требованія от-

каза отъ политической работы, перестройки общественной работы въ соответствии съ этическими и психологическими чертами учащихся» (Р. и К., № 6, 1928 г.). На этотъ призывъ — утвержденіе того, что

живая человѣческая личность, а не безличный коллективъ должны быть краеугольнымъ камнемъ школьной жизни и школьнаго строительства, живо и активно откликнулись всѣ школьники совѣтской Россіи. «Бѣлая лилія», «Черный крестъ», «Общество древней греческой культуры», «Т. И. Д.» (Товарищество и дружба) и т. д. — все раскрытыя и разогнанныя школьныя подпольныя организаци, боровшіяся за то же, за что боролись и школьники 15-й ленинградской школы. По признанію коммунистической печати, настроенія школьной молодежи не такъ давно были таковы, что «создается широкое поле для всякаго рода шатаній и колебаній, для такъ наз. преобладанія личныхъ интересовъ надъ общественными» (читай — надъ интересами, которые старается въ порядкѣ воспитательныхъ воздѣйствій навязать господствующая партія). (Задачи Политическаго Воспитанія, «Юный Коммунистъ», № 2, 1929 г.).

Утвержденіе школьниками значенія, цѣнности человѣческой личности раскрывается какъ протестъ противъ обязательнаго матеріализма, какъ поиски идеалистическаго міровоззрѣнія. Положеніе становилось настолько угрожающимъ, что самъ Наркомпросъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, обвиненъ въ недостаточно выдержанной классовой линіи. Борьба Наркомпроса съ совѣтской общественностью» кончилась паденіемъ Луначарскаго, назначеніемъ Бубнова. «Реформа» средней школы, переходъ къ заводскимъ семилѣткамъ, политехнизация, — въ значительной мѣрѣ были обусловлены «классовой неблагонадежностью» средней школы. «За послѣдніе два года, — писали въ 1929 году комвузовцы, ведя атаку противъ Наркомпроса, какъ «попустителя», — стали оформляться полуподпольные кружки, которые заражаютъ нашу молодежь чуждой идеологіей» (Молодая Гвардія, 1929 г.). «Для части молодежи, — съ ужасомъ пи-

шетъ другой авторъ, Платонъ ближе и популярнѣе Маркса» (Р. и К. №№ 7-8, 1928 г.). Не слѣдуетъ преувеличивать этихъ струекъ идеалистическихъ настроеній и исканій школьной молодежи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — онѣ были такъ ярки и духовно вліятельны, что совѣтская власть, чувствуя свое безсиліе идейно побѣдить эти теченія, должна была принять рядъ срочныхъ охранительныхъ мѣръ, начиная отъ разгона организаций, ареста и высылки «всѣхъ» и кончая учрежденіемъ въ школахъ специальныхъ «піонеръ - форпосовъ», основной задачей которыхъ было «идейное овладѣніе школой», — точнѣе — надзоръ надъ неблагонадежными и «освѣщеніе» въ цѣляхъ политическаго сыска внутренней жизни школы.

Одной изъ примѣчательныхъ и характерныхъ чертъ сов. молодежи является ея боевая цѣлостность. Идеаль для нея — независимо отъ его содержанія и цѣнности, не мечта, а то, что должно быть осуществлено, что требуетъ дѣйствія, зоветъ къ нему. Можно упрекать молодежь въ некультурности, въ грубости, въ практицизмѣ, но упрекать ее въ двализмѣ, соединявшемъ горніе высокими идеалами съ мечтательными воздыханіями, что «эдакъ лѣтъ черезъ двѣсти жизнь будетъ прекрасна», въ безволии — невозможно. Коммунистическій опытъ убѣдительно и наглядно подчеркнул значеніе настойчивой, упорной воли и при томъ воли организованной «коллективизированной». Урокъ этотъ, по видимому, усвоенъ прочно. Всѣ исканія школьной молодежи въ сов. Россіи, въ томъ числѣ и идеологическія — неизмѣнно порождаютъ стремленіе къ совмѣстной борьбѣ за утверждаемый идеаль, сопровождаются общественной борьбой за свою правду. Этотъ моментъ навыка къ «коллективному дѣйствованію» своеобразно скрашиваетъ всю школьную жизнь, своеобразно сказывается въ дѣятельности подпольныхъ организаций. Противопостав-

леніе — «героя» и «толпы», какъ рыхлой, безличной, аморфной массы, которую «ведетъ», «вдохновляетъ» герой, почти исчезло. Живетъ, дѣйствуетъ, борется организованная «масса», обрѣтшая въ организованности «индивидуальность»; воспринимающая себя, какъ «соціальное цѣлое». Въ отдѣльности каждый — средній, безответственный, «лояльный совѣтскій гражданинъ», а вмѣстѣ, въ массѣ — сила, съ которой власти подчасъ приходится вести упорную борьбу. «Въ 168 школъ группы учениковъ выпускала рукописный антиобщественный журналъ, въ 206 группа учениковъ объявила бойкотъ общественной работѣ и демонстративно не посѣщала собраний». (Кр. Газ. 28, П-29). «Группа, сообщаетъ Учительская газета о «неблагополучіи въ Соликамскомъ и Чердынскомъ педтехникумахъ издаетъ свой журналъ «Эхо», въ которомъ не чувствуется современности, нѣтъ ни одного слова о политической жизни, помѣщается нездоровая, неправильная критика». (Уч. Газ. 8, П-29). Въ школъ происходитъ своеобразное явленіе, характерное для всей русской дѣйствительности — жизнь осваиваетъ начинанія коммунизма, видоизмѣняетъ ихъ, вноситъ въ нихъ совѣзмъ не то, на что рассчитывали коммунисты. Одной изъ такихъ своеобразныхъ иллюстрацій чудеснаго афоризма Гете — «Вѣчно сѣра всякая теорія, и вѣчно зелено дерево жизни» является и навѣкъ къ коллективизму среди школьничковъ. Ссв. школа усиленно призывала эти навѣки, надѣясь воспитать идеальныхъ гражданъ коммунистическаго общества. «Прививка» привела къ тому, что школьники научились «міромъ», «группой» бороться за свою правду, бороться за свои идеалы.

«Гражданская», «соціальная» и духовная борьба, раздирающая сов. школьную молодежь особой остроты и напряженія достигаетъ въ борьбѣ «за» и «противъ» Бога. Совѣтская школа, оптимистически

надѣясь, что «религіозные предрасудки», потерявъ въ «странѣ строящагося социализма» «экономическій базисъ» быстро вывѣтрятся, провозгласила сначала принципъ арелигіознаго воспитанія. «Врагъ» оказался крѣпче и жизнеспособнѣе, чѣмъ думали сов. верхи. Традиціи, семья, особенно женская ея часть, духовенство оказали сильнѣйшее сопротивленіе безрелигіозной установкѣ школы, повели упорную и настойчивую борьбу за дѣтскую душу. «Крестыанское населеніе — пишетъ «Безбожникъ у станка» — охотно пускаетъ ребенка въ школу, но.. Бога не тронь. Если ребенокъ дома скажетъ, что говорилъ и читалъ учитель, онъ услышитъ — «ну, и жить иди къ учителю». «Въ общемъ, количество вѣрующихъ по отношенію ко всему количеству учащихся — говорить «Вожатый» (журналъ для «Вожатыхъ» — руководителей пионеровъ) — около 51%». («Вожатый» № 1, 1929 годъ). Другіе обслѣдователи называютъ еще большій процентъ вѣрующихъ, подчеркивая постепенное повышеніе числа вѣрующихъ ребятшекъ по мѣрѣ удаленія отъ центровъ. «Если въ Москвѣ изъ окончившихъ семилѣтку 65% настроены религіозно — то въ медвѣжьихъ углахъ Минусинскаго, Сакасскаго и, вообще, сибирскихъ округовъ этотъ процентъ религіозныхъ ребятъ нужно удвоить». (Нѣжницкій «Безрелигіозное или антирелигіозное воспитаніе въ ссв. школъ, 1929 г.). Послѣ двѣнадцатилѣтней работы по насажденію среди школьничковъ невѣрія, руководители арелигіозной школы вынуждены были признаться, что «не подлежитъ сомнѣнію, что на этомъ фронтѣ вырастаетъ для насъ исключительная опасность» («Вожатый» № 1, 1929 г.). Началась усиленная кампанія — главнымъ застрѣльщикомъ ея былъ комсомоль — за активное антирелигіозное воспитаніе въ сов. школъ. Несмотря на сопротивленіе и скрытое противодѣйствіе многихъ педагоговъ — практиковъ и теорети-

ковъ, теченіе антирелигіознаго воспитанія воспреобладало. Пропаганда безбожія вошла въ число школьныхъ предметовъ, включена въ программу занятій въ дѣтскихъ садахъ. Борьба обострилась. Усилилась дѣятельность союза юныхъ безбожниковъ, охватившаго до 1.500.000 ребятъ школьнаго возраста. Въ 1930 г. состоялась первая всесоюзная конференція юныхъ безбожниковъ, на которую собралось около 2.000 делегатовъ. Дѣти съ чувствомъ гордой радости рассказывали объ успѣхахъ безбожія среди своихъ сверстниковъ. Кое гдѣ ячейки юныхъ безбожниковъ вовлекли въ ряды воинствующихъ безбожниковъ цѣлыя школы. Но все чаще и чаще раздаются жалобы на то, что религіозники стараются овладѣть молодежью, овладѣваютъ ею, что сама молодежь борется за свое право вѣрить, для борьбы—объединяется въ «нелегальныя», организациі, иногда издаетъ подпольныя воззванія, приносятъ въ классъ книги Священнаго Писанія, листки изъ нихъ, натѣльные крестики и т. д.

«Дорогіе граждане, — приводитъ «Смѣна» (комсомольскій журналъ) содержаніе одного изъ такихъ подпольныхъ листовъ подъ названіемъ «Ахмалонъ». — Вы знаете, что скоро наступитъ праздникъ 1-го мая. Этотъ праздникъ устроили нехристианскіе безбожники всего человѣчества. Наша школа должна показать себя, выйти изъ школы съ флагомъ «Да здравствуетъ Святая Пасха» («Смѣна» № 25, 1930 г.). «Въ 22-ой школѣ СОЮ (Сокольническій отѣлъ народнаго образованія, Москва) изъ 168 учащихся сказались 41 вѣрующій въ Бога, 44 отрицательно относятся къ антирелигіозной пропагандѣ, 24 не любятъ евреевъ, 44 отрицательно относятся къ сов. власти» — сообщаетъ «Безбожникъ у станка» № 12, 1930 г.). Встрѣчаются случаи горѣнія и причастія школь въ полномъ составѣ.

Религіозное одушевленіе, владѣющее

тѣми, кто хранитъ вѣру, несмотря на гоненія, несмотря на издѣвательства, зажигаетъ, покоряетъ, завоевываетъ дѣтскія сердца. Ярославскій — одинъ изъ наиболее яростныхъ и злобныхъ насадителей безбожія, — рассказывалъ на съѣздѣ безбожниковъ, что однажды, когда онъ шелъ по улицамъ Москвы, его сынъ, проходя мимо церкви, началъ креститься. Оказалось, что няня, — глубоко вѣрующій человекъ — невольно и не думая «заразила» его своею вѣрою.

Трудно себѣ представить, сколько трагедій разыгрывается и въ сердцахъ взрослыхъ, и въ душахъ малышей на почвѣ столкновенія требованія и внушеній сов. школы съ живыми и глубокими вліяніями семьи, вліяніемъ и воздѣйствіемъ религіозности отцовъ, матерей, бабушекъ, сверстниковъ. Я знаю одну мать, человека вѣрующаго, которая все время живетъ въ состояніи мучительнѣйшаго конфликта. Она хочетъ, чтобы ея ребенокъ зналъ Бога, вѣрилъ. Съ другой стороны, она боится, что, начавъ говорить о Богѣ, она разрушитъ цѣлостность души ребенка, внесетъ въ нее страшное раздвоеніе и мучительнѣйшую борьбу. Это трагедія многихъ матерей. Закончу свой бѣглый очеркъ рассказомъ о трагедіи дѣтской души. Его я слышала отъ женщины, осенью минувшаго (1931) года, пріѣхавшей изъ сов. Россіи. Дочь ея вышла замужъ за коммуниста, активнаго безбожника. Дѣтей — тайно отъ отца — крестили. Когда старшая дѣвочка подросла, бабушка научила ее молитвамъ, водила въ церковь, часто причащала. Дѣвочка такъ почувствовала красоту и силу вѣры, что ничто уже не могло ее смутить. На лѣто дѣвочка уѣхала къ отцу въ деревню. Осенью вернулась похудѣвшая, не по-дѣтски серьезная, родителей, видимо, чуждалась. Выбравъ минутку, забралась къ бабушкѣ въ комнату и, заливаясь горькими слезами, повѣдала о горѣ, навѣки ее состарившемъ, сразу

превратившемъ ее въ почти взрослую, смявшемъ ее душу. Отецъ, замѣтивъ однажды на шеѣ дѣвочки крестикъ, со злобой сорвалъ его вмѣстѣ съ цѣпочкой и бросилъ въ помойную яму. Какъ ни иска-

ла потомъ дѣвочка, крестика не нашла. Отецъ сталъ для нея навѣки чужимъ человекомъ.

И. Лаговскій

Парижъ.

Апологетическія замѣтки

II.

(Продолженіе).

Дальнѣйшая стадія въ развитіи вѣры съ сверхъестественное появляется какъ слѣдствіе новаго момента въ эволюціи соціально - экономической структуры первобытнаго общества. Развитіе техники улучшаетъ продуктивность труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усложняетъ его. Появляется потребность въ организаторѣ, руководителѣ труда. Такимъ обычно становится старѣйшій, опытнѣйшій въ родѣ, но не потерявшій еще физическихъ силъ — патриархъ. Отсюда возникновеніе культа предковъ и тотемизма. Душа патриарха по смерти занята тѣмъ же, чѣмъ былъ занятъ покойникъ при жизни. Она выступаетъ въ роли духа организатора и покровителя племени. Все почитаніе и авторитетъ, какимъ пользовался умершій патриархъ при жизни, переносится на его двойника.

Постепенно образы отдѣльных патриарховъ въ воспоминаніи блѣднѣютъ, сливаются въ одинъ родовой образъ великаго первопредка, первопатриарха. Этотъ первопредокъ и становится предметомъ культа. Культъ патриарха выгоденъ живому главѣ рода, усиленно имъ поддерживается; съ другой стороны, возрастаніе силы и авторитета живого патриарха ведетъ къ увеличенію авторитета духа - первопредка. На первыхъ порахъ самъ живущій патриархъ является и жрецомъ. Въ дальнѣйшемъ, въ связи съ осложненіемъ труда и обязанно-

стей его, какъ главы племени, обязанности культового характера передаются жрецу.

Въ силу ряда причинъ, напр., единство имени (первопредка, напр., зовутъ «Волкъ», «Кенгуру» и т. д.), въ силу особаго значенія тогс или иного рода животныхъ, растений въ жизни племени, происходитъ отождествленіе духа-первопредка съ тѣмъ или инымъ животнымъ, растеніемъ, предметомъ. Данное животное, растеніе, предметъ, становятся священными. Въ нихъ живетъ духъ первопредка, и поэтому они есть «тотемъ», предметъ религіознаго поклоненія и почитанія. Возникновеніе тотемизма влечетъ за собою выдѣленіе ряда предметовъ (животныхъ, растений и т. д.) въ качествѣ неприкосновенныхъ—они обьявляются «табу». Ихъ нельзя употреблять въ пищу, за ними нельзя охотиться, прикосновеніе къ нимъ часто карается смертью. «Табу» распространяется не только на внѣшніе предметы, но и на отношенія между людьми. Напримѣръ, для мужчинъ женщины, принадлежащія къ одному и тому же тотемному роду — являются «табу» и обратно — бракъ между ними невозможенъ и т. д. Табу, относящееся къ животнымъ, растеніямъ и т. д. въ извѣстные сроки снимается. Снятіе табу переживается какъ праздникъ; предметъ, находившійся подъ табу, въ обрядахъ и церемоніяхъ этого праздника играетъ главенствующую роль. Происходитъ священ-

ное вкушеніе священнаго животнаго съ цѣлью вступить въ общеніе съ духомъ первопредкомъ. Слѣды тотемизма и табу, до мнѣнію безбожниковъ, сохраняются и въ христіанской символикѣ и въ христіанскихъ таинствахъ. (Агнецъ, символы евангелистовъ (орель, телець, быкъ) таинство Евхаристіи, посты и т. д.).

Дальнѣйшая стадія въ развитія религіозныхъ представленій — смѣна духа-бога рода богомъ племени. Отдѣльные роды въ связи съ усложнившейся техникой производства объединяются въ племена. Другой путь возникновенія племенъ — путь подчиненія болѣе слабыхъ группъ одной, болѣе сильной. Въ результатѣ совершившихся этническихъ перегруппировокъ, видоизмѣняется и система религіозныхъ воззрѣній. Возникаетъ идея общаго бога племени, всеотца. Такимъ становится богъ племени, наиболѣе хозяйственно сильнаго и одареннаго или богъ племени побѣдителя. Онъ вбираетъ въ себя многія черты отдѣльныхъ родовыхъ боговъ. Послѣдніе же — понижаются въ рангъ и становятся или подчиненными богами, или просто героями.

Возникновеніе еще болѣе обширныхъ и сложныхъ соціальныхъ группировокъ — національныхъ союзовъ — государствъ, объединяющихъ рядъ племенъ, влечетъ соотвѣтственныя новыя измѣненія и осложненія въ представленіи о мірѣ боговъ и ихъ взаимоотношеніяхъ. Возникаетъ настоящая іерархія боговъ — высшіе, низшіе, средніе и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ религіозныя представленія переживаютъ измѣненіе и въ смыслѣ, такъ сказать, направленности, отнесенности содержанія — почитаніе предковъ все болѣе и болѣе переносится на силы природы. Съ измѣненіемъ условій

Теоріи естественнаго происхожденія религіи всѣми силами стараются по-

быта (переходъ отъ охотничье - кочевого къ земледѣльчески - осѣдлому) человѣкъ оказывается въ большей зависимости отъ силъ природы (солнце, дождь, разливы рѣкъ). Духъ - первопредокъ — помощникъ и заступникъ человѣка — мыслится сейчасъ уже, главнымъ образомъ, распорядителемъ силъ природы. Изображенія этихъ силъ становятся символами первопредка и постепенно сливаются съ тѣмъ, кого они символизируютъ до полнаго отождествленія. Культъ предковъ естественно смѣняется поклоненіемъ силамъ природы — солнцу, лунѣ, звѣздамъ и т. д.

Въ странахъ земледѣльческихъ особенно развивается культъ солнца. Солнечный богъ, ежегодно умиравшій (зима) и вновь воскресавшій (весна), представляется источникомъ жизни, свѣта, всяческаго блага, борцомъ за добро. Христіанство, тѣснѣйшимъ образомъ связано съ солнечнымъ культомъ, является видоизмѣненіемъ и осложненіемъ этого культа. Такъ возникали пантеистическія, многобожскія языческія религіи. Возникновеніе монотеизма (единобожія) связано съ образованіемъ могучихъ деспотическихъ монархій. Черты единогодержавнаго могущественнаго монарха - деспота, обладавшаго безграничной властью надъ поданными, переносятся на боговъ и создается образъ единого Бога и владыки всей вселенной, всемогущаго, грознаго. Возникаетъ почва и содержаніе для появленія различныхъ религій монотеистическихъ. Такъ изображаетъ антирелигіозная литература возникновеніе и общую картину эволюціи религіи. Изъ исторіи отдѣльныхъ религій историко - критическое направленіе особое вниманіе удѣляетъ исторіи іудейства и христіанства. Изложенію исторіи христіанства въ обработкѣ антирелигіозниковъ мы посвятимъ слѣдующіе очерки.

казать и доказать, что онѣ «научны». Между тѣмъ, слѣдуетъ подчеркнуть и

помнить именно необыкновенную научную легковѣсность и легковѣрность этихъ теорій. Всѣ онѣ — плодъ не серьезныхъ, вдумчивыхъ наблюдений, добросовѣстнаго анализа, а результатъ скороспѣлыхъ широкихъ обобщений и выводовъ. Всѣ «научныя» обобщенія о «безрелигіозности» дикарей основаны на одномъ-двухъ наблюденияхъ, плохо проверенныхъ. Почти всѣ эти теоріи исходятъ изъ якобы безрелигіозности австраійскаго племени «кушу». У племени «кушу» — одного изъ наиболѣе дикихъ, — торжественно увѣряютъ авторы теорій о «безрелигіозности» первобытнаго человѣка, — не удалось, будто бы, открыть и слѣдовъ религіозныхъ представленій, слѣдовательно, — заключаютъ они, — первобытный человѣкъ безрелигіозенъ.

Наблюдения надъ современными дикарями есть наблюдения именно надъ «дикарями», а не надъ «первобытнымъ человекомъ». отождествлять дикарей и первобытнаго человѣка нѣтъ оснований. Отмѣчаютъ любопытный фактъ, что дѣти т. наз. «дикихъ племенъ» до извѣстнаго возраста (12-14 лѣтъ) въ своемъ развитіи не только не отстаютъ отъ дѣтей культурныхъ расъ, но часто даже обгоняютъ ихъ. Но достигнувъ извѣстнаго предѣла, дальнѣйшій духовный и интеллектуальный ростъ дикарей неожиданно останавливается. Они остаются въ состояніи дѣтской недоразвитости, инфантилизма. Объясняется это тѣмъ, что т. наз. «дикія племена» — представители не юныхъ «первобытныхъ», а наоборотъ — слишкомъ старыхъ, ослабѣвшихъ, выродившихся вѣтвей человечества.

Современные дикари въ религіозномъ отношеніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ изученіе первобытнаго фольклора (народныхъ сказаній, вѣрованій обрядовъ, подробностей быта), находятся въ состояніи одичанія. Чѣмъ древнѣе наслоенія фольклора, тѣмъ возвыщеннѣе религіоз-

ныя понятія, тѣмъ сильнѣе сквозить въ нихъ идея Единого Божества. Дѣйствительно научное наблюдение приводитъ къ выводамъ прямо противоположнымъ тѣмъ скороспѣлымъ обобщеніямъ, которыя выдаются за научную истину.

Теоріи «естественнаго» происхожденія религіи не объясняютъ основного и загадочнаго — самаго факта вѣры, способности и потребности человѣческой души вѣрить.. Онѣ пытаются нарисовать фантастическую картину развитія вѣры, возникновенія религіи, тѣмъ самымъ молчаливо предполагая уже существованіе функций, потребности и необходимости вѣры. Объяснить, какъ развивается та или другая функція человѣческой души, совершенно не значитъ объяснить, какъ она **возникаетъ** и что она **представляетъ**. Всякое объясненіе, какъ развивается что-либо въ человѣческой душѣ или въ человечествѣ, уже предполагаетъ, что объясняемое уже **есть и дѣйствуетъ**. Можно прекрасно объяснить, какъ развивается, формируется зрѣніе. Но, вѣдь, никто не скажетъ, что «видѣть», это значитъ сначала имѣть только неопредѣленную пространственную перспективу, не имѣть сначала ясныхъ и четкихъ очертаній видимыхъ вещей — и только потомъ путемъ опыта привыкнуть къ точному воспріятію вещей.

Все это моменты въ развитіи зрѣнія, а не самое зрѣніе. У слѣпорожденнаго, у котораго отсутствуетъ самая функція зрѣнія, никакое знаніе моментовъ развитія зрѣнія не вызоветъ самой силы зрѣнія.

Всякая попытка «вбить», «внушить» вѣру при отсутствіи функціи вѣры была бы попыткой явно нелѣпой и съ негодными средствами. Собственно, теоріи «почитивнаго» происхожденія религіи — наилучшая иллюстрація неизбѣжности именно такого положенія. Въ самомъ дѣлѣ, «старѣйшины поддерживаютъ, усиленно внушаютъ вѣру въ существованіе души», по-

тому что имъ выгодно. Ну, а первобытный человекъ, очевидно, охотно подчиняется этому внушенію, потому что ему... «не выгодно». Иного вывода не сдѣлаешь. Получается презабавнѣйшая картина Старѣйшины удивительно умны и изобрѣтательны, измышляютъ цѣлый новый міръ, заставляютъ «людишекъ» повѣрить въ этотъ новый міръ такъ, что людишки, вопреки очевидности и выгодѣ, даже «животишекъ» — всяческихъ несомнѣнныхъ и реальныхъ благъ — готовы лишиться ради этого измышленнаго и вбиваемаго имъ въ головы міра.

Какъ возникаетъ самая способность вѣрить, откуда начинается, чѣмъ питается и сильна вѣра — вотъ основной вопросъ, мимо котораго проходятъ безбожники и «позитивисты», лукаво не замѣчая самага острія и корня всей проблематики вѣры. Современная психологія приходитъ къ убѣжденію, что объяснить возникновение вѣры, какъ функции, какъ глубочайшей и неустранимой формы жизни души, невозможно. Она непроизводна, никакъ не возникаетъ, никѣмъ не внушается, а просто есть, существуетъ какъ неискоренимая и неустраняемая потребность человеческого духа.

«Религія есть фантастическое отраженіе въ сознаніи людей общественныхъ отношеній **въ формѣ вѣры** (курсивъ нашъ) въ существованіе сверхчеловѣческаго міра», — заявляютъ безбожники. Съ равной «научной» доказательностью можно было бы сказать, припомнивъ сказку о борщѣ, который солдатъ сварилъ «изъ топора». — что «борщъ есть топоръ, приправленный капустой, картошкой, мясомъ, лукомъ и сваренный **въ формѣ супа**».

Въ основѣ ученія объ эволюціи религіи (сначала «духъ» вообще, потомъ «духъ» опредѣленнаго патріарха, потомъ духъ «первопредка» вообще, затѣмъ «Божество» и т. д.) лежитъ глубоко ненаучное, наивно-ложное представленіе о са-

момъ процессѣ обобщенія, индукціи... Предполагается, что человекъ сначала накапливаетъ факты, наблюденія, анализируетъ ихъ, и потомъ изъ нихъ возникаетъ, складывается общій выводъ. Такъ никогда не бываетъ, хотя многіе наивно убѣждены, что такъ именно и совершается процессъ «научнаго» объективнаго творчества. Накопленію, отбору фактовъ всегда предшествуетъ общая, часто неясная, отчетливо не осознаваемая — интуиція, преджеланіе, предвосхищеніе того, что наблюдатель — будь то ученый или самый обыкновенный смертный — хочетъ установить. Факты не наблюдаются, а выбираются. И выборъ ихъ опредѣляется тѣмъ сознательнымъ или безсознательнымъ замысломъ, который уже есть у наблюдающаго... Факты только раскрываютъ и уясняютъ эту существующую интуицію.

Исаакъ Ньютонъ не потому открылъ законъ тяготѣнія, что видѣлъ паденіе яблока, а потому и открылъ смыслъ паденія яблока, что у него въ душѣ уже было видѣніе, интуиція закона тяготѣнія. И такъ всегда и во всемъ человѣческомъ творествѣ... Теорія эволюціи религіи какъ разъ исходитъ изъ наивнаго и ложнаго пониманія индукціи. Эволюція понятія о Божествѣ возможна только при наличіи интуиціи Верховнаго Существа, предполагаетъ уже присущую душѣ категорию божества.

Не интуиція о божествѣ возникаетъ въ результатѣ религіознаго опыта, а наоборотъ, она сама впервые создаетъ религіозный опытъ и дѣлаетъ его возможнымъ.

**

Мы критически освѣтили только нѣкоторыя предпосылки «позитивной», «естественной» теоріи возникновенія религіи. Положеніе безбожниковъ и позитивистовъ гораздо легче, чѣмъ положеніе защитниковъ истины. Съ необычайной легкостью представители безбожія играютъ теорія-

ми, гипотезами, обобщеніями. Для того, чтобы показать неправду того или иного даже второстепеннаго утверждения противниковъ религіознаго міровоззрѣнія, нужны страницы доказательствъ. Въ двухъ-трехъ словахъ не распутаешь тонкой и хитрой механики пауковъ и паучковъ лжи. Нуженъ упорный личный трудъ, общій подъемъ культурнаго и научнаго

сознанія, чтобы справиться съ усложняющейся и усиливающейся системой лжи, системой полуистинъ, ходячихъ мнѣній, господствующихъ трафаретовъ. Въ слѣдующемъ № «Вѣстника» мы надѣемся дать (въ самой краткой формѣ) очеркъ положительныхъ взглядовъ относительно происхожденія религіи.

Жизнь Движенія.

Валкъ. Въ этомъ году собранія нашего кружка довольно нерегулярны. Причина, конечно, въ томъ, что не хватаетъ времени. Это самое больное мѣсто въ жизни нашего кружка; всѣ мы это знаемъ, и все же никакъ не можемъ ничего измѣнить. Когда на собранія не приходятъ одинъ или двое, собранія приходится отмѣнять, такъ какъ почти половина отсутствуетъ. Въ этомъ году проходимъ Евангеліе отъ Луки. Половину этого Евангелія мы прошли въ прошломъ году, въ этомъ же году хотимъ обязательно закончить. Иногда устраиваемъ небольшие доклады, но чаще не хватаетъ для этого времени, такъ какъ всегда бываютъ разные вопросы въ связи съ нашей дѣтской работой. Въ воскресной школѣ, или какъ мы ее называемъ — въ «Дѣтскомъ уголкѣ», у насъ записано около 60 чел. дѣтей. Въ среднемъ, собранія посѣщаютъ около 50, только на послѣднихъ изъ двухъ собраній было меньше дѣтей, — была сильная эпидемія гриппа, и почти всѣ наши дѣти, безъ исключенія, переболѣли, но, къ счастью, безъ серьезныхъ послѣдствій. Теперь дѣти понемногу поправляются, и, дасть Богъ, работа опять пойдетъ по старому. Въ старшихъ кружкахъ на послѣднемъ собраніи были уже почти всѣ дѣти. Собранія «дѣтскаго угла» бываютъ черезъ одно воскресеніе,

иногда черезъ два. Чаще мы устраивать не можемъ, такъ какъ, во-первыхъ, такъ часто мы не можемъ получить помѣщенія, а, главное, въ такомъ случаѣ у насъ не хватаетъ средствъ. Осенью мы провели маленькую финансовую кампанію, и въ такомъ размѣрѣ, какъ мы ведемъ работу, намъ этихъ средствъ на этотъ годъ хватить. До Рождества у насъ въ «Дѣтскомъ уголкѣ» было три группы. Послѣ Рождества вторая группа осталась безъ руководительницы, и такъ какъ замѣнить ее никто не можетъ, пришлось обѣ старшія группы соединить. Это немного неудобно, такъ какъ развитіе дѣтей довольно различное. Программу въ этой старшей группѣ теперь проводятъ дѣти изъ кружка подростковъ, одинъ религіозную часть, другой литературную. Они сами установили очередь, относятся къ своей обязанности съ интересомъ, и надо сказать, что справляются хорошо. Такимъ образомъ, они научатся работать, и въ будущемъ будутъ намъ большими помощниками, а такіе намъ очень нужны. На Рождествѣ устраивали праздничное собраніе, и дѣти изъ кружка подростковъ, сыграли сказку «Красная шапочка». На Пасхѣ хотимъ опять устроить такое праздничное собраніе, если намъ удастся собрать на это средства. Кромѣ «Дѣтскаго угла» у насъ работаютъ еще два круж-

ка — средній кружокъ и кружокъ под-
ростковъ. Въ средній кружокъ («Ясная
звѣздочка» — дѣти такъ сами себя на-
звали) входятъ дѣти десяти, одиннадца-
ти и двѣнадцати лѣтъ. Въ этомъ кружкѣ
записано около 15 человекъ. Собираются
они еженедѣльно. Кружокъ смѣшанный.
До Рождества они занимались, главнымъ
образомъ, житіями Святыхъ, а также не-
много бесѣдовали объ устройствѣ храма
и о богослуженіи. Послѣ Рождества они
прошли подготовительныя недѣли Вели-
каго Поста, сейчасъ начали Страстную
Седмицу. Послѣ религіозной части у нихъ
бываютъ игры, а затѣмъ руководительни-
ца имъ читаетъ какой нибудь рассказъ.
Съ выборомъ рассказовъ опять бываютъ
затрудненія, но ничего, кое-что все же
удаётся найти.

Въ кружкѣ подростковъ (кружокъ
«Воскресенія») записано 12 человекъ. Въ
него входятъ дѣти, приблизительно, отъ
12-16 лѣтъ, ученики послѣдняго класса
школы и перваго гимназіи. Собирается
кружокъ тоже еженедѣльно, по вечерамъ,
Программа состоитъ изъ трехъ частей: ре-
лигіозной, національной и литературной.
Въ основу религіозной части до Рожде-
ства было взято Евангеліе отъ Марка. На
каждомъ собраніи читали по одной главѣ.
Дѣти читали по очереди и рассказывали
прочитанное. Послѣ Рождества взяли
исторію Церкви; пока всѣ пройденныя
событія прочитывали по Дѣяніямъ Апо-
столовъ. По національной части прохо-
димъ важнѣйшіе города Россіи, ихъ исто-

рію, географическое положеніе, значеніе
и т. д. Каждому городу посвящаемъ по
4 собранія, къ послѣднему отыскиваемъ
литературу, относящуюся къ данному го-
роду. До Рождества, такимъ образомъ,
прошли Кіевъ и Псковъ, кромѣ того, вна-
чалѣ въ самыхъ общихъ чертахъ позна-
комились съ географіей и исторіей Рос-
сіи. Послѣ Рождества прошли Новгородъ,
а сейчасъ знакомимся съ исторіей Мос-
квы. О городахъ, о ихъ достопри-
мѣчательностяхъ большей частью дѣ-
ти дѣлаютъ сами доклады. Но иногда
это и не удавалось, такъ какъ не найти
подходящихъ матеріаловъ. Стараемся ил-
люстрировать бесѣду видами даннаго го-
рода. По литературной части проходимъ
біографіи русскихъ классиковъ, останав-
ливаемся, главнымъ образомъ, на дѣтскихъ
годахъ писателей, а затѣмъ прочитыва-
емъ по одному небольшому произведенію
или отрывку. Какъ у кружка подрост-
ковъ, такъ и у средняго кружка есть свои
кассы помощи ближнему: каждый прино-
ситъ сколько можетъ, и на собранныя
деньги къ праздникамъ дѣти дѣлаютъ по
своему усмотрѣнію бѣднымъ дѣтямъ не-
большіе подарки. Кружокъ подростковъ
тоже смѣшанный, но дѣвочекъ въ немъ
больше. Собирается этотъ кружокъ вто-
рой годъ. Недавно организовался религіоз-
ный кружокъ взрослыхъ, сочувствующихъ
Движенію. Организовался онъ послѣ при-
ѣзда А. И. Никитина. Собираются они каж-
дую недѣлю».

РИГА. ДѢВИЧЬЕ ДРУЖЕСТВО.

Годъ тому назадъ, на зимнемъ съѣз-
дѣ, съ Божіей помощью, мы, при жи-
вомъ участіи А. И. Никитина, основали
свое Дружество. Намъ было десять дѣву-
шекъ, которыя далеко не дружественно
были настроены другъ къ другу. Одна-
ко, желаніе создать дѣвичье дружество

было настолько велико, что все бывшее
было забыто. Вражды какъ не бывало.
Всѣ горѣли одной идеей: создать дѣви-
чье дружество и быть по мѣрѣ силъ по-
мощниками Движенію. Создавая Друже-
ство, мы знали, что не разъ намъ придет-
ся спотыкаться, не разъ на нашей доро-
гѣ встрѣтятся преграды.

Теперь, годъ спустя, можно подвести итогъ нашей работѣ. За этотъ годъ намъ пришлось много испытать. Весною прошлаго года въ кружкѣ произошла большая трагедія, и ему грозилъ распадъ. Но, къ счастью, все обошлось сравнительно благополучно. Послѣ лѣтняго сѣзда въ Любержѣ намъ удалось осуществить наше давнишнее желаніе: объединить въ дружествѣ большое количество дѣвушекъ. Оставаясь самостоятельными, къ намъ присоединились еще два дѣвичьихъ кружка: Покровское содружество и кружокъ Живоноснаго Источника. Дѣвичье Дружество стало расти, но, къ сожалѣнію, все же работа Дѣвичьяго Дружества, какъ такового, очень незначительна, такъ какъ члены или слишкомъ заняты своей работой, или горятъ идеей Дѣвичьяго Дружества только на словахъ.

На послѣднемъ зимнемъ сѣздѣ въ Нарвѣ, по нашему почину и тамъ организовалось Дѣвичье Дружество. О результатахъ работы Дружества еще рано говорить. Внѣшне мы сохраняемъ какое-то единство, но нѣтъ той духовной силы, которая чувствуется у насъ въ Благовѣщенскомъ кружкѣ. Если мы зададимъ себѣ вопросъ: какъ возникла эта связь и чѣмъ она достигнута, исчерпывающій отвѣтъ дать трудно — ибо она появилась незамѣтно. Косвенно она явилась итогомъ той работы, которая была продѣлана кружкомъ въ теченіе года въ видѣ докладовъ и рефератовъ. Нашъ кружокъ въ своихъ докладахъ, не придерживается строгой программы. Члены пишутъ доклады по близкимъ и тревожащимъ ихъ вопросамъ. Это и даетъ возможность въ бесѣдѣ познать другъ друга и духовно сблизиться.

Въ результатѣ можно сказать, что работа въ кружкѣ хотя и шла съ перебоями, но все же мы чувствуемъ себя достаточно сильными, чтобы продолжать нашу

движенческую работу, невзирая на всѣ трудности, встрѣчающіяся на нашемъ пути.

«ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИКЪ» (Кружокъ Русскаго Православнаго Дружества Учащейся Молодежи).

Такъ мало прошло времени, а такъ много пережито радостнаго, свѣтлаго. Годъ тому назадъ мы еще смутно представляли себѣ цѣли Движенія и иногда въ минуты нашей духовной слабости недоувѣрчиво къ нему относились, не вѣрили въ пользу его работы.

Но прошелъ годъ, и съ нимъ незамѣтно исчезли наши сомнѣнія. Движеніе завоевало насъ, мы поняли Движеніе, узнали его цѣли, и теперь насъ никакая сила, никакое теченіе не унесетъ изъ него. Тѣ, которые поняли Движеніе, останутся съ нимъ и будутъ работать въ немъ въ теченіе уже всей жизни. Раньше, когда мы встрѣчались съ такимъ отношеніемъ движенцевъ къ Движенію, оно казалось намъ какимъ-то неестественнымъ, безжизненнымъ. Теперь работа въ Движеніи является цѣлью нашей жизни. Мы должны какъ можно глубже и полнѣе соприкасаться со свѣтлой, радостной силой христіанства, стать истинными людьми, чтобы впослѣдствіи быть въ состояніи передать радость христіанской жизни другимъ.

Исторія возникновенія нашего кружка слѣдующая. Въ январѣ мѣсяцѣ 1931 г. въ Ломоносовской (Рижской) гимназіи Ал. Ив. Никитинъ читалъ докладъ «Идеалы современной молодежи», послѣ котораго гимназисты и гимназистки были приглашены на собраніе въ Движеніе. Послѣ этого собранія образовался кружокъ изъ 16 гимназистокъ подъ руководствомъ А. И. Драгуновой. Вскорѣ послѣ основанія число членовъ стало уменьшаться, нѣкоторые перешли въ

другіе кружки, а нѣкоторые перестали посѣщать кружокъ. Работа удовлетворяла насъ, но не до конца: не было еще той полноты, которой мы хотѣли. Эту полноту внесли въ кружокъ члены кружка, побывавшіе на сѣздѣ.

На сѣздѣ мы почувствовали обязанности, возлагаемыя на насъ Движеніемъ, и тамъ получили запасъ духовныхъ силъ для практической работы. Тамъ же идеаль Святой Руси, надъ раскрытіемъ и осуществленіемъ котораго думаетъ и работаетъ Движеніе, сталъ особенно понятенъ и близокъ намъ. Теперь мы знаемъ, куда зоветъ насъ Движеніе, и что надо дѣлать для достиженія идеаловъ Святой Руси.

Мы изучаемъ въ кружкѣ Евангеліе отъ Марка. На собраніяхъ по поводу прочитаннаго бывають обыкновенно довольно продолжительныя бесѣды. Иногда

да по поводу вопросовъ, возникшихъ въ связи съ бесѣдой, кто-нибудь изъ членовъ кружка читаетъ специальный докладъ, какъ, на примѣръ, «Возможно ли чудо», «Предопредѣленіе». Бывають доклады, которые не связаны съ Евангеліемъ, на примѣръ — «Святая Русь», «Современная молодежь», «Счастье», «Дружба». Въ кружкѣ читаются также статьи «Вѣстника» и другихъ журналовъ. Можно замѣтить, что программа и работа кружка удовлетворяють всѣхъ членовъ.

Кромѣ внутрикружковой работы надъ собой, члены «Живоноснаго Источника» поставили своей задачей привлекать гимназическую молодежь, еще далекую отъ духовныхъ запросовъ, къ Движенію, знакомить ее съ нимъ. Это понемногу удается. И мы глубоко вѣримъ, что Движеніе завоюетъ всю молодежь зарубежья и духовно возродитъ ее.

Въ срединѣ мая выйдетъ въ свѣтъ
БЮЛЛЕТЕНЬ РЕЛИГИОЗНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАГО КАБИНЕТА.
Цѣна 1 фр. 50 сант. Выписывать можно чрезъ «Вѣстникъ».

„ВѢСТНИКЪ“

Органъ русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за Русежомъ
(шестой годъ изданія).

Особое вниманіе обращено на освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи, на хроніку антирелигіозной пропаганды. Имѣется отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на годъ	отд. №		на годъ	отд. №
Въ Франціи съ колон.	30 фр.	3.—фр.	Въ Румыніи	220 лей	20 лей.
Въ Англии	6 шилл	6 пен.	(при условіи посылки заказной бан- деролью 300 лей въ годъ).		
» Бельгii	9 белг.	0.80 б.	Въ Финляндіи	55 мар.	5 мар.
» Болгаріи	140 левъ	15 л.	» Чехословакии	45 кр.	4 кроны
» Германіи	5.50 мар.	0.50 м.	» Эстоніи	5 кр.	0.50 кр.
» Италіи	26 лиръ.	2.50 л.	» Югославіи	65 дин.	6 динар.
» Латвіи	6.50 латв.	0.60 л.	Остальн. страны	1.50 ам. д.	0.15 дол.
» Литвъ	13 литъ	1.20 л.			
» Польшѣ	12 злот.	1.10 з.			

Рабочіе и студенты во всѣхъ странахъ, исключая Америку, Англию, Швейцарію, Италію, англійскія колоніи и Дальній Востокъ, при условіи подписки на годъ, могутъ пользоваться скидкой (годовая плата 1 американ. долларъ).

Деньги съ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также получение подписной платы производится:

АМЕРИКА: 1) N. Stember. 56. East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green Str. San-Francisco Calif.

АНГЛИЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. 1.

БОЛГАРИЯ: Е. Наумовъ, Регентская 38. СОФИЯ.

БЕЛЬГИЯ: Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) V. Slepyan Kantstrasse 33, BERLIN, Charlottenburg.

2) «Logos» 87, Markgrafenstrasse BERLIN S. W. 63.

3) Fürst D. Obolensky. Carlovitzstr. 15 DRESDEN.

4) W. Schwehoff Bahnhofstr. 6. II FREIBERG I. Sa.

КИТАЙ: 1) В. Коченева, Св. Алексѣевская церковь, Зеленый Базаръ, Большой проспектъ HARBIN.

2) The Magazine Shop. 601 Av. Joffr, SHANGHAI.

ЛАТВІЯ: 1) N. Litvin, Turgeneva iela 21a, dz. 8. RIGA.

2) L. Gailit. Sosejas iela 104. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Aleje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa.

2) «Dobro», ul. Krakowskie Przedmiescie 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДИЯ: Mr Reiche, KELLOMAKI.

ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣстника 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

2) A. Bogatskoy, 7, Av. Thérèse E-te Perrimond Nice. A. M.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ: 1) S. Malloj, 271. Belohorska, Brevnov. PRAHA.

2) V. Voskobochnikov. Krajinsky urad odd. 29 Belnayova 1-3 BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, 18, Kralovopolska Zaboresky. BRNO.

ЭСТОНІЯ: 1) N. Golubeva. Toomvaestekooli 15-6. TALLINN.

2) H. Lange. Mäe 4-1 TARTU.

3) S. Nikilin. Kreenholm 18-25. NARVA.

4) A. Sekst. Pihkvä 43. PETSERI.

РУМЫНІЯ: L. Gloukhoff. Tescani, jud Bacau

ЛИТВА: E. Sokolsky Malunu 56 KAUNAS